

18+

КАТЯ САРГАЕВА

ЛАБИРИНТЫ САНСАРЫ

ТОМ ВТОРОЙ

Катя Саргаева

Лабиринты сансары. Том второй

«Издательские решения»

Саргаева К.

Лабиринты сансары. Том второй / К. Саргаева — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Из глубин космоса прилетает планета — полная копия Земли, на ней нет только человека. Планета издает особое излучение, из-за которого мы больше не можем вести войны. Это заставляет нас искать новые пути и смыслы жизни. Между тем идет противостояние двух стран и ожесточенная личная вражда между их лидерами. Много лет они борются с одинаковой проблемой, и лишь хитросплетение их судеб способно все разрешить. Эта книга о прощении и Любви, только они дадут тот мир, которого мы еще никогда не видели. Книга содержит нецензурную брань.

© Саргаева К.

© Издательские решения

Содержание

ТОМ ВТОРОЙ	6
ПРИНЦИП «ОКО ЗА ОКО» СДЕЛАЕТ ВЕСЬ МИР СЛЕПЫМ	6
41	7
42	29
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Лабиринты сансары Том второй

Катя Саргаева

© Катя Саргаева, 2026

ISBN 978-5-0070-2789-2 (т. 2)

ISBN 978-5-0070-2785-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ТОМ ВТОРОЙ

ПРИНЦИП «ОКО ЗА ОКО» СДЕЛАЕТ ВЕСЬ МИР СЛЕПЫМ МАХАТМА ГАНДИ

41

Лабиринт Минотавра

*В отсутствие деревьев
их берется заменить трава,
и у нее даже получается.
До первых заморозков.*

Вера Камша, «Сердце Зверя»

Хабиб

— Хаят, ты оставишь отца без бороды, — смеясь сказала Захра, и поцеловала крошечную ручку дочери.

Мы сидели в чайной, Хаят топталась у меня на коленях, пыталась стоять, хотя не так давно научилась сидеть. Я поддерживал ее рукой за спинку, а когда отпускал, то она широко распахивала глаза и обеими ручками хваталась за мою бороду, чтобы не упасть. А когда я ее подхватывал, она заливала весь дом своим звонким смехом.

— Ничего, пусть дергает, новая отрастет!

Вчера Хаят исполнилось полгода, и мы устроили по этому поводу большой праздник. Старики не спускали мою дочь с рук, жены даже приревновали. В Хаят влюблялись все, да и как в нее не влюбиться, когда она вылитая кукла, такой красивой девочки я еще не видел, и я так думаю не только потому, что она моя. Хаят всегда смеется, наверное, это первое, чему она научилась, и очень редко плачет. Она любит людей и ко всем тянет ладошки.

Хаят нравится чайная, потому что здесь красиво, после атаки дрона чайную восстановили и сделали на стенах и потолке роспись арабесками. А восстановленную штору из стекла Хаят любит больше всего, штора переливается всеми цветами радуги, и малышке обязательно надо за нее дернуть.

Вообще дергать все и всех было ее привычкой, все, что попадало в поле ее зрения, сразу же попадало к ней в руки. Дети все трогают руками, но Хаят неугомонная, а ручки у нее проворнее, чем у карманника в метро. И этой девочке всего лишь полгода, что же будет дальше?

Вообще я сбил все планы женам, они думали, что раз родилась девочка, то она не будет мне интересна, и только они вдвоем будут осыпать ее любовью. На самом деле я и сам не думал, что так прикиплю к этой черноглазой малышке.

Когда я впервые взял ее на руки, когда читал над ней молитву, что-то новое родилось во мне самом, я никогда не испытывал такого чувства, благоговения и трепета, бесконечной и безусловной любви ко всему миру. Я плакал от счастья, впервые в жизни. И, наверное, впервые в жизни был полностью, до края неба счастлив.

Когда я впервые держал в руках эту теплую кроху, то больше ничего и не было нужно, ни войны, ни власти, ни мира у моих ног. Я сам оказался у ног дочери, в которую бесконечно влюбился. С тех пор мы редко расстаемся. Захра и Джалила этим недовольны, и все время пытаются умыкнуть у меня дочь, и теперь война у меня только с женами за малышку.

Они ведут себя так, будто им кто-то просто принес и отдал этого ребенка, как будто нет среди них той, кто родила ее, и имеет на Хаят куда больше прав. Они обе зовут себя мамами, это была идея Джалилы. Только после рождения дочери я посмотрел на нее как будто новыми глазами, я увидел какое доброе у нее сердце, и как красивы ее лицо и тело, у меня даже появились к ней чувства.

Теперь мы вчетвером были одной семьей, и не было никого лишнего, какой раньше я видел Джалилу. Иногда мне кажется, что нас пятеро. Фахир всегда находится рядом со мной, так как он является моим личным телохранителем, но я общаюсь с ним почти как с братом, он хороший и преданный человек. Хаят обожает Фахира и тоже проредила ему бороду, но он не против, он, как и все без ума от этой девчушки.

К Амиру я отношусь иначе, с теплотой и любовью, но имею четкие границы. Амир не мой сын, и от этого создается чувство невидимой стены между нами. Амир относится ко мне с уважением и почтением, но не с открытой любовью, как к отцу. Несмотря на это я вижу в нем будущего халифа, он очень умный парень, все схватывает на лету, любознательный и пытливый, из него выйдет хороший правитель.

— Хаджар, где там чай? — крикнул я в сторону кухни, — зима на улице, ты хочешь меня заморозить?

— Уже, сид, — из глубины кухни ответила мне старая служанка, и повисла тишина, значит, чай принесет Дунья.

Хаят наигралась с моей бородой и перелезла на Захру, которая сидела рядом, но и на ней она не задержалась. Хаят все любит дергать, и в женщинах ее первым делом привлекают серьги. Как только Хаят начала карабкаться к Захре, та сразу же спрятала серьги глубоко под платок. Хаят посмотрела на Захру, нахмурила лобик и оглянулась, выискивая что-нибудь интересное, что можно подергать. Глаз ее лег на Фахира.

Мой телохранитель был в кофте на молнии, и замок молнии поблескивал металлом под самой бородой. Я подметил это и улыбнулся, потому что Фахир ничего не подозревая подхватил тянущую к нему ручки Хаят. Мое внимание отвлекла Дунья, подававшая мне стакан с чаем, когда женщины рассмеялись.

Я повернулся к Фахиру и впервые увидел его растерянным. Хаят, конечно же, ухватилась за замок молнии на кофте и с силой своих маленьких ручек дернула, чем и расстегнула Фахиру кофту до самой мохнатой груди. Замочек тут же перестал интересовать Хаят, потому что дергать за волосы она любит сильнее.

Видимо до Фахира она добралась впервые, потому что он не был готов к тому, что это очень больно, я-то знаю. Фахир тщетно пытался высвободиться из рук малышки, а она заливалась смехом. Но тут она сжалась над моим охранником, и решила перестать выдирать ему волосы на груди, потому что увидела кое-что поинтереснее.

Фахир отворачивался, потому что стоял полураздетый при женщинах, и мне было плохо видно, что там происходит. Но через пару секунд Хаят победоносно подняла ручку вверх вместе со своим трофеем — очень красивым серебряным медальоном. Я никогда не видел его, и не знал, что Фахир вообще носит украшения, потому что одет он всегда под завязку, как обязывает ислам.

Хаят со смехом выкинула сорванный с шеи Фахира медальон, пока он застегивался. Медальон упал прямо под ноги Дунье, и та на автомате подняла его. Дунья пристально посмотрела на медальон, потом на Фахира, потом на меня. В чайной вдруг повисла тишина, даже Хаят на минуту уgomонилась. Дунья подошла к Фахиру и недобро посмотрела на него, отдала ему медальон, потом развернулась и вышла, не подав ему чая. Странная она сегодня.

Рома

— Я больше никогда не увижу маму с папой? — спросила меня Женя спустя пару месяцев жизни с нами.

— Нет, малыш, не увидишь, — честно ответил я, Никита рекомендовал нам не обманывать Женю по этому поводу.

Я накрыл ее одеялом и поцеловал в щечку, сегодня я укладывал Женю спать один, потому что Ева улетела на форум.

— Они больше не хотят со мной жить, поэтому умерли?

— Нет, что ты. Они не уехали, не бросили тебя, они перестали жить, совсем.

Женя смотрела на меня непонимающими глазами, и я очень жалел, что рядом нет Евы, она умеет находить слова на такие вопросы. Женя никак не могла понять, что такое смерть, до нее никак не доходило, что все мы конечны, и никто не будет вечно жить. Я боялся объяснять, что такое смерть именно поэтому, тогда она узнает, что и сама она рано или поздно умрет, не хотелось быть человеком, который сообщит ей об этом.

— Знаешь, никто не хочет умирать, и это точно не было их решением или выбором, произошел несчастный случай. Ты ведь была вместе с ними.

— Да, они все кричали, а потом замолчали. Значит смерть это больно?

— Не всегда. Это зависит от того, почему человек умер.

— Я думала, что умирают только старики, что у них какая-то своя болезнь, и они уходят жить в другое место.

— Наша религия, христианство, утверждает, что так и есть, и все умершие люди уходят жить в другой мир.

Я по глазам видел, что произошло то, чего я боялся. Женя вдруг задумалась, и на лице ее появилось удивление.

— Если умирают не только старики, то получается, что все умирают?

— Да, человеческая жизнь заканчивается, и все мы когда-нибудь умрем.

— И я?

— И ты, но это будет еще очень нескоро, лет через семьдесят.

— Ого, — удивилась Женя, — это очень-очень-очень долго.

— Да, долго, поэтому не переживай.

— Рома, я не понимаю, у меня есть родители или нет?

— Нет. Когда человек умирает, его больше не существует на планете. Но у тебя есть мы с Евой, и мы тебя очень любим. С того момента, как мы тебя удочерили, ты в лице государства и других людей стала нашей дочерью, теперь мы несем за тебя ответственность.

— Значит, я должна называть тебя папой?

— Только если тебе этого захочется.

— Я тебя люблю, — сказала Женя, глядя в потолок, она всегда так просто говорила эти слова, даже на секунду не задумываясь, что для нас с Евой они означают. — Ты лучше, чем мой настоящий папа, и ты меня любишь сильнее, чем он, поэтому хочу, — она посмотрела на меня и улыбнулась. — Папа, почитай мне сказку, пожалуйста.

— Конечно доченька, какую сказку будем читать?

— Карлик Нос.

— Хорошо, — сказал я, давя слезы радости, и встал за книгой.

Она назвала меня папой!

Шли дни и недели. Поначалу мы с Евой боялись дышать в сторону Жени, словно в любой момент она могла рассыпаться как картонный домик. Но она все больше привыкала к нам, и не скрывала своего отношения. Женя была самой настоящей кошкой, которая любит, чтобы ее гладили. Очень тактильная девочка, я не привык к такому проявлению чувств, и сначала был немного смущен, но со временем привык.

Никита сказал, что это ее язык любви, и так она выражает свою привязанность. Если показать ей, что этот способ мне неприятен, она будет думать, что мне не нужна ее любовь, и я молча терпел всю тысячу поцелуев в день и еще миллион объятий.

А однажды Женя заболела, и не разбудила меня слюнявыми поцелуями, потому что лежала в своей кровати с высокой температурой. Тогда я понял, что чего-то в моей жизни сильно не хватает, и оценил всю ее тактильность. Иногда на работе очень не хватало этого теплого ребенка под боком.

На Еве она вообще постоянно висла, сидеть и лежать в обнимку всегда и везде было нормой, а держаться за руки неперенным правилом. Прикосновения для Жени были проявлением любви и доверия, об этом нам рассказала баба Таня, мы часто разговаривали с ней по видеосвязи, Женя скучала по своей старой подружке. Сама же баба Таня была рада тому, что у Жени сменились родители, но прилететь в гости наотрез отказалась, сказала, что уже стара для космических полетов.

Каждый день у нас с Евой был примерно такой диалог:

— Ты уже привык?

— Неа, а ты?

— И я пока нет. Все время боюсь проснуться.

Прошел не один месяц пока мы все же поверили своему счастью и наконец начали просто жить без страха.

А спустя полгода мы с Евой в полной мере ощутили, что такое быть родителями.

Был Новый год, Ева из кожи вон лезла, чтобы создать всем новогоднее настроение и сделать праздник для дочери, потому что Женя случайно упомянула, что ее родители не отмечали Новый год. Они говорили, что это просто смена календаря, и нечего так с ума сходить. Посмотрели в полночь обращение Ежова, выпили по бокалу безалкогольного шампанского, съели по ложке веганского оливье и спать. Иногда баба Таня забирала Женю к себе, с ложным обещанием не кормить ребенка мясом.

На Гее был разрешен выруб елок к празднику в личное пользование, но закон был придуман хитро, ведь разработал его я сам. На Гее было мало людей, в этом году население России едва перевалило за цифру в пятьсот тысяч человек, и даже если каждый срубил бы себе елку, леса Геи от этого не обеднели бы. Тем более на Гее люди живут на всей территории России, а не как на Земле, преимущественно в ее Европейской части. Сибирь полна лесами, впрочем, как и вся средняя полоса.

По закону можно срубить одну елку на семью, любую, хоть малышку, хоть трехметровую, но сделать это можно только один день в году — 28 декабря. Такое условие очень ограничивает, поэтому ели и сосны срубают себе далеко не все.

Следуя собственному закону 28 декабря мы всей семьей отправились выбирать елку. Мы поехали на север города, в сторону Земного Красногорска, там хорошие леса. Женя сказала, что непременно должна присутствовать на таком важнейшем мероприятии, как выбор новогодней елки, тогда Ева сказала, что поедет с нами, а так я вообще собирался ехать один.

На улице было довольно холодно, и мы оделись под завязку, потому что знали, что придется гулять по непроходимым снегам. На Гее все устроено не так, как на Земле. Так как Гея это практически нетронутые просторы природы, а города на ней находятся в лесу и похожи на заповедные зоны, то и правила безопасности здесь другие.

Все четко знают, где находятся границы города, по их периметру стоят установки для отпугивания животных. Несмотря на это, в сильные морозы всякая живность все равно заходит в города в поисках пищи. В городах работают большие группы патрульных егерей. На территории в сто километров от города живет целая армия егерей, они следят за отпугивателями, за тем, чтобы крупные и опасные животные не заходили в города, чтобы не замерзали в голодные времена. В общем, работы у них хватает.

Когда начали заселять Гею, стало ясно, что здесь егерь царь и бог, поэтому профессия стала весьма престижной, но специалистов все равно не хватало, далеко не все могли пройти медкомиссию для жизни на Гее, и дефицит кадров был регулярным.

Сегодня, 28 декабря, в день разрешенного вырубания елей патрули по области были усилены, один день в году работали все егеря вне зависимости от графика их работы.

Мы подъехали к месту, где снега казалось меньше, и было видно, что здесь уже ходили люди.

— Они тут наверное все самые красивые елки уже срубили, — сказала Ева нахмурившись.

— Зато не увязнем в снегу по пояс, — выдал я свой аргумент, но Ева продолжала скептически смотреть на меня. — Это ведь бор, посмотри, сколько тут сосен и елок, для нас точно найдется красивая, не вырубил же они их все.

Ева молчала и думала с нахмуренными бровками, пока Женя не прервала тишину. Она прилипла лицом к стеклу и всеми глазами поела лес за пределами машины. Она ведь никогда не была в таком диком заснеженном бору, конечно ей хотелось уже нырнуть в снег с головой, отломить еловую веточку и прилипнуть к ней носом, вдыхая ароматный запах смолы.

— Да пойдемте уже, — сказала она, пружиня от нетерпения на заднем сиденье, — если не понравится, то поедем в другое место.

Мы с Евой переглянулись, одновременно улыбнулись и бросили тянуть одеяло на себя.

— Давайте, все хорошо одеваемся и застегиваемся на все молнии, там очень холодно. Женя и варежки не забудь, — скомандовала Ева, и все резко засобирались.

Лес был густым и высоким, как только мы забрались немного вглубь, то вокруг сразу стало темнее. Было так тихо, что слышалось чириканье одинокой птички за километры от нас.

— Смотри, елок хоть жопой жуй, — сказал я жене, и она недовольно не меня зыркнула, — выбирай любую! А может, хочешь сосну?

— Да мне все равно, пусть Женя выбирает. Но давай все равно поглубже зайдем.

— Главное не заблудиться, — заметил я, — тут как-то очень уж снежно. Смотри, только несколько пней торчит, и дальше люди даже не ходили давненько. Интересно, где егеря, их сегодня должно быть слышно на сто километров вокруг.

Я оглянулся, и понял, что говорю сам с собой, Женя уже далеко ушла, прыгая, как молодой пес по свежим сугробам, погружаясь в них с головой. Ева устремила за ней. И я, невыслушанный, и тем немного обиженный, поплелся в их сторону.

На улице было морозно, но мы совсем не замерзли, хотя и были все в снегу, потому что валялись в нем как дети, а от попыток бегать по сугробам, которые кое-где доходили до пояса даже мне, детине ростом 195 сантиметров, всех покрыло испариной. Женя просила меня подкидывать ее в сугроб, это было очень смешно. Еще она умудрялась ловко забираться на елки, с их тонкими и частыми ветками.

Мы так набесились, что Ева упала плашмя на снег.

— Все, у меня закончились силы, — сказала она, — наверное, я уже старею.

— Что про меня тогда скажешь? — отозвался я, ложась рядом, — тебе тридцать три, ты еще ближе к молодости, а вот в свои тридцать семь я уже ближе к мужланству и старости.

— Фу, какие мы с тобой уже не молодые, — усмехнулась Ева, — пора бы подыскивать инвалидные кресла, — она повернула ко мне свое раскрасневшееся лицо и поцеловала в щеку, — но тебе первому, ты ведь ближе к старости!

Я не успел пошутить по поводу Евиной колкости, потому что на нас откуда-то сверху свалился хохочущий ребенок. Мне было не так смешно, потому что коленкой Женя приземлилась мне прямо в пах. Ева это заметила и улыбнулась, а потом перетянула Женю полностью на себя.

— Ты поаккуратнее прыгай, а то оставишь папу без хозяйства. Придется нового искать.

— А что такое хозяйство? — тут же спросила Женя, и Ева пожалела, что ляпнула это. Мы уже давно поняли, что надо хорошенько фильтровать базар.

— Это самое важное, что у него есть. Ну, по крайней мере, мужчины так считают.

Женя не поняла, но дальше расспросов не последовало.

Отдохнув немного, мы решили, что пора все же поискать нам елку, а то так без нее домой и вернемся. Просто поваляться в снегу и побегать по сугробам можно и за домом, там тоже небольшой лесок, правда лиственный и потому не такой красивый. Ничего не сравнится с заснеженными хвойными лапами столетних сосен и молодых ароматных елочек.

Выбор Жени остановился на пушистой красавице, голубой елке. На Гее они не были редкими, здесь вообще Красная книга не котируется. Елку я рубил топором, вышло у меня это ловко и быстро, как будто только этим всю жизнь я и занимался, хотя развлечения ради только на Гее я впервые сам колол дрова для камина.

Вокруг было очень тихо, и стук топора разлетался на километры вокруг. Когда я закончил, был слышен лишь смех Жени, а потом и он смолк.

— Мама, я застряла, — сказала Женя извиняющимся голосом.

Женя все лазила как мартышка по елкам и соснам, и по соснам она забиралась все выше и выше. Ева говорила, чтобы она прекращала это дело, потому что боялась, что Женя упадет. Но наша дочь давала нам жару, и вила из нас веревки, мы ведь ее никогда не ругали. Да и о каких наказаниях и ругани может идти речь, когда мы только привыкли к тому, что у нас есть целый ребенок, который называет нас папой и мамой.

— А я тебе десять раз сказала, чтобы ты не забиралась так высоко, да еще и по елкам, папа туда не сможет залезть, так что выбирайся теперь сама, — почти строго ответила Ева.

— У меня куртка за ветку зацепилась, не могу освободиться, — продолжала жаловаться Женя.

— Дерни посильнее, — сказал я, подходя к ним ближе, — куртка порвется, не беда, купим новую.

— Да я уже дергала. Ничего не получается.

Мы с Евой стояли возле высоченной елки, на которую взобралась Женя, и смотрели, то вверх, то друг на друга, пытаюсь понять, что же делать. Елка не сосна, у нее частые и тонкие ветки, и взрослого человека они точно не выдержат. Женя забралась метра на три, и даже со своим ростом я не мог до нее дотянуться.

— Снимай куртку, пусть остается елке как трофеем от человеческой глупости, и спускайся, — сказала Ева, повернувшись, и дала команду мне, — а ты пока собирай свои топоры, мотай елку. На улице мороз, а у нас ребенок раздетый.

Я тут же метнулся выполнять задание, слова о раздетом ребенке повлияли молниеносно, и я уже представлял мою малышку, лежащую в постели с воспалением легких. Я быстро смотал елку специально купленной для этого сеткой, закрыл топор в специальный чехол и убрал его в рюкзак. Сверху кинул толстые варежки, тряпку, которой вытирал быстро выступивший сок, остатки сетки, нож, телефон, короче все, что было уже не нужно, и надел рюкзак на спину.

Я обернулся в сторону Евы и Жени, и резкий выброс адреналина перекрыл доступ к кислороду. В ту же секунду Женя крикнула:

— Мама, смотри какие собачки! — и ткнула пальцем в большого серого волка, который стоял за Евиной спиной.

Ева стояла под елкой и ждала пока Женя спустится вниз по еловым лапам, только забираться вверх куда проще, чем спускаться. Женя была уже почти у Евиных рук. Между нами было метров десять, и где-то посередине стояло два серых волка. Один был практически у Евы за спиной, второй отрезал мне путь к ним.

Спустя бесконечно долгую секунду я смог дышать, и тут же сказал:

— Ева, лезьте на елку!

Вокруг стояла тотальная тишина, и кричать мне не требовалось, мы не слышали, как подошли волки из-за шума топора, пока я рубил елку.

— Женья назад! Давай назад, как можно выше, — почти кричала Ева от испуга, — быстрее, Женья! Это очень плохие собачки.

Женья послушно начала карабкаться вверх, и Ева забралась на первую ветку. Все это произошло в считанные секунды, и я радовался тому, что волк не кинулся на них, он начал рычать и скалиться, но не бросался. Второй волк, который был ближе ко мне просто стоял, как будто охранял меня, и я понял, что это бета-самец.

Когда мы переехали на Гею нам проводили некий вводный инструктаж о том, как вести себя при встрече с диким животным, помню, что мне было интересно, и я внимательно слушал. Был рассказ и о волках, о том, как они живут в стае, какова иерархия, как они охотятся и загоняют добычу. На людей волки нападают редко, только от голода в сильные морозы.

Сейчас, вспоминая рассказ, я понял, что за Евой стоит альфа-самец, отбивает опасность, то есть меня, бета-самец, и еще как минимум четыре волка сейчас окружают нас, и готовы замкнуть в круг.

Рядом со мной не было ни единого дерева, елка, которую я срубил, росла там одна, как королева, и укрыться мне было негде. Если я побегу, волк кинется на меня, пока не шевелюсь я, не шевелится и мой волк.

Я попробовал медленно снять рюкзак, мысленно дал себе леща за то, что убрал топор на самое дно рюкзака, да еще и в чехол запаковал. Но волку не понравились мои движения, он заострил уши и оскалился. Я замер. Радовало только то, что Ева с Женей в безопасности.

Не успел я об этом подумать, как тишину разорвал треск веток, и я увидел, как из густых еловых лап прямо перед волком выпала Женья. Волк выгнул спину и пригнул уши, он готов к нападению. Не думая ни о чем, и уж тем более о собственной безопасности, одним резким движением я схватил свежесрубленную елку, я плотно ее смотал, чтобы не повредить ее красоту, она и стала моей защитой. В один удар я сбил волка с ног и побежал к Жене, пробежал два метра и упал, зацепившись за собственную штанину.

Внезапно для всех нас, и, наверное, для самой себя, из елки выпала Ева. Она как дикая кошка приземлилась на четвереньки, закрыв собою Женю. Еще секунду назад альфа-самец был готов к нападению и прыжку, он уже отпружинил на задние лапы для разгона, но когда Ева вывалилась перед ним, он застыл, но начал рычать.

Я же не успел подняться, мой волк быстро отошел от удара елкой, и кинулся прямо на меня. Я успел лишь перекатиться на спину и прикрыть себя елкой, выстроив хоть какой-то барьер. Волк прыгнул на меня и укусил за плечо, хорошо, что на мне была плотная лыжная куртка со светоотражающим покрытием нового поколения, она была гладкая как попка младенца, и волк никак не мог ухватиться за нее, зубы соскальзывали.

Весь мой слух и реакции были обращены на себя и борьбу со своим волком. В ушах гремел его рык. Но вдруг мой волк замер, и его рычание перекрыл другой звук. Я не сразу понял, кто ревел, казалось, что медведь, но я воспользовался замешательством своего противника, подогнул под себя ноги, хорошо оттолкнулся, и перекатился на живот, поменяв позиции. Теперь волк лежал на спине, придавленный елкой и мною.

Я глянул в сторону Евы и ошалел от увиденного. Моя жена, стоя на четвереньках и выгнув спину, как это делал волк еще несколько секунд назад, широко раскрыв рот, издавала какие-то нечеловеческие звуки. Этот рык, смешанный с воем, леденил душу. Не переставая реветь, она медленно поднялась с четверенек, и на полусогнутых ногах начала надвигаться на волка. Руки ее были отведены назад и согнуты в локтях, пальцы скрутились и были похожи на когти. Волк уже не рычал, он будто бы пытался переждать волну запугивания рыком и воем, который издавала Ева. У животных так положено, как только нападающий замолчит, роли поменяются, и нападать начнет волк, он уже не будет пугать рыком, он кинется в драку.

Но Ева не сбавляла обороты, и замолкать не планировала. Она редела все громче, и все активнее наступала на волка, отчего тот начал пятиться. Ева ниже опустила лицо, я видел, как

ее слюна летит в волка. Она начала сводить руки вперед, и пальцы-когти уже почти касались волка. Я думал, что она разорвет его голыми руками. Но тут волк прижался передними лапами к земле и заскулил. Это означало «я сдаюсь».

Рев моей жены начал спадать, но позы она не поменяла. Даже когда она замолчала, лицо ее было в оскале, она зависла над волком, и он медленно и поскуливая задом выбрался из-под ее нависшей фигуры. Не поднимаясь полностью на передние лапы, волк задрал голову в небо и протяжно завыл. Трубит отход тем, кто сейчас окружил нас.

Волк медленно развернулся и начал уходить, прикрывая хвостом задние лапы. Я освободил своего волка, и тот пулей шмыгнул к хозяину стаи. Где-то слева послышался волчий вой, трубачий отбой тем, кто окружил нас во второе кольцо.

Ева голыми руками разогнала большую стаю волков, победив альфа-самца без драки. Волки уже скрылись за деревьями, а она все стояла в той же позе, и я сам сейчас побаивался подходить к ней. В себя Еву привели слезы Жени. В одну секунду из дикого зверя Ева снова превратилась в женщину. Женя сидела, согнувшись возле елки, и держалась за голову, ладошка ее была в крови.

— Что случилось, малыш, откуда кровь? — залепетала Ева.

— Я ударилась головой, когда упала, — сквозь слезы ответила Женя.

Я быстро стянул с себя рюкзак и снял куртку, завернул в нее Женю, и прижал к себе. Под елкой снега было мало, и торчали извилистые корни, об один из них Женя и разбила себе голову. Ничего страшного, но много крови. Ева зажала рану своей рукой, и мы побежали к машине.

— Надо будет вернуться за елкой, — усмехнулась Ева, снова став собой, — слишком дорого она нам стоила!

— Ева, впереди какой-то звук, достань топор из рюкзака на всякий случай, — сказал я, и мы резко остановились, потому что звук был уже прямо перед нами. Через мгновение из-за сосны вынырнул полупьяный егерь.

— Господи боже! Роман Сергеевич, там волки, целая стая! Бегут от кого-то, вы медведиц не видели?

Я невольно скривил лицо, когда меня обволокло перегаром.

— Видели, вот медведица, — я кивнул головой на Еву. Где все егеря? И вы почему пьяный?!

Тот лишь развел руками, мол, «так вышло».

— Вас уволят к чертовой матери, я сейчас такую чистку в егерях наведу, мало никому не покажется! А то привыкли, что вы элита, и никто вам не закон. Я вам покажу закон!

Я кивнул Еве, что надо идти, некогда препираться с пьяным егерем, Женю надо срочно в больницу везти. Потом вспомнил про елку.

— Мы там елку бросили, убегая от волков и спасая нашу дочь. Найдите ее и пусть нам домой доставят.

— Так точно, будет сделано, — пробубнил егерь и икнул.

В больницу мы добрались быстро, да и кровотечение у Жени почти прекратилось. Они с Евой на заднем сиденье обсуждали волков, и как Ева одного из них чуть не съела, смеялись, и обзывали волка безродной дворнягой. Я понимал, что Ева пытается все выставить шуткой, чтобы у Жени не сформировалось травмы. Надо бы и саму Еву расслабить.

— Вот это шишка! — воскликнул парень в приемной, — я тоже такую хочу! Где набила, рассказывай.

— С елки упала.

— Ну даешь! — он осмотрел рану и вынес вердикт, — надо зашивать.

— Не надо, мама, пожалуйста! — взмолилась Женя, схватив Еву за руку, — обещаю, я больше не буду лазить по елкам!

Ева растерялась, а врач нет, свою работу он знал, и с детьми обращаться умел.

— Как не надо? — удивился он, — у тебя же мозги вытекут через дырку! Засунь туда палец, чувствуешь, уже текут. Придут зомби и съедят твои мозги, ты этого хочешь? Дело, конечно, твое, но я бы зашил. Зуб даю, — врач щелкнул ногтем об передний зуб, — больно не будет, вообще ничего не почувствуешь, только пару укольчиков сделаю и все.

Женя испуганно посмотрела на меня, и я поднял ладони вверх.

— Врачу виднее, или скормить свои мозги зомби, или зашить. Выбирай сама.

Ева бросила на меня неодобрительный взгляд, нельзя, мол, ребенка пугать зомби, но вслух ничего говорить не стала.

— Точно больно не будет? — уточнила Женя у врача.

— Мамой клянусь!

— Вы что, дагестанец?

— Нет, но маму свою люблю, и рисковать ею, ради девчонки, которая готова кормить зомби, не стану.

— Ну тогда ладно.

Врач забрал Женю в перевязочный кабинет, и мы с Евой остались одни в пустынном коридоре.

Я обнял жену, прижал ее к себе сильнее, и она вдруг задрожала, а потом согнула руки в локтях и поджала под себя, как маленький ребенок на груди у мамы, и разрыдалась. Ну наконец-то стресс выходит, а я уже начал думать, что она у меня железная. Я гладил Еву по спине и целовал в висок и макушку.

— Все хорошо, — шептал я, — все закончилось. Ты в безопасности, Женя в безопасности. Все хорошо. Я с тобой, я тебя держу. Все закончилось, все хорошо.

Я говорил это, и казалось, сам сейчас разревусь, но этого не случилось. Я получил рядку от того, что помогал Еве. Внезапно. Проявление Любви действительно творит чудеса.

— Рома, это было так страшно, — заговорила Ева вперемешку со слезами и всхлипываниями, — Женя упала практически волку в рот! Я думала, что умру в этот момент!

Она продолжала говорить без остановки, я не понимал и половину из-за рыданий, я мог только гладить и обнимать ее, прижимать к себе как можно сильнее. Постепенно Ева успокоилась и затихла. Мы стояли в пустынном коридоре в обнимку, и было так хорошо и спокойно. Были только мы двое, победившие весь мир, и спасшие дочь от волков.

— Рома, — Ева подняла на меня удивленные глаза, — ты ведь тоже боролся с волком! Их же было двое! Он тебя не покалечил?

Ева начала судорожно осматривать мои руки и голову, спину на предмет укусов.

— Нет, все хорошо, куртка скользкая, он не мог зубами зацепиться, люблю нанотехнологии! Да и елка мешала, я ею прикрывался. Так что у меня было много защиты: елка, топор в рюкзаке, и жена с проснувшимся материнским инстинктом.

— Я и не знала, что могу такое. Это жутковато. Ром, с тобой точно все нормально? Может, пусть тебя тоже осмотрят?

— Головой я не ударялся, в отличие от Жени, волк меня так и не смог укусить, щипал только больно, синяки наверное останутся, и штаны мне новые купишь, эти уже не отстирать, а так все нормально, не переживай.

Ева хотела что-то возразить, и даже не усмехнулась моей шутке про обосранные штаны, но к нам подошел врач.

— Я зашил Жене рану, четыре шва наложил, но она этому рада.

— А где она? — удивился я.

— Она сказала, что упала с елки не потому что зацепилась, не удержалась или поскользнулась. Это случилось, потому что у нее закружилась голова и в глазах помутнело. Я решил перестраховаться, и отправил ее на томографию, это быстро.

— Она час носилась как угорелая по сугробам, прыгала как белка по соснам и елкам, может от этого голова закружилась? — спросила Ева.

— Может быть. Но я хочу быть спокоен за президентскую дочь, — отшутился врач, но смысл был понятен. Будь это обычная девочка, он бы так не пекся о ее здоровье. — Скажите, у нее такое раньше бывало?

— Насколько я знаю, нет, — ответила жена. — После падения шаттла мы привозили ее в эту же больницу, и ее там чуть ли не изнутри всю рассмотрели. Все должно быть в карте.

— Интересно, карту ее я не видел, потому завел новую. Что же, пойду, поищу. Отдохните, вы сегодня много пережили, а я заберу Женю с томографии и приду к вам.

Хабиб

Последний месяц Дунья ходит тихая и странно себя ведет, это заметили все. Она каждый день ходит в мечеть, хотя раньше бывала там раз в несколько месяцев. Она стала молчаливой и перестала петь. Я так привык к тому, что сидя в чайной из кухни доносится ее мелодичное пение. Хаджар сказала, что это видимо из-за недавней смерти ее сестры, и я перестал обращать внимание.

Аллах отнял у Дуньи слух, но одарил прекрасным голосом, и зорким зрением. Время от времени Дунья приносила мне сплетни, но только те, которые считала подтвержденными и важными для меня.

Я сидел в чайной один, погруженный в свои мысли. Фахир отлучился по моим делам, что было редко, мы почти все время были вместе.

Вошла Дунья и без разрешения села рядом, жестом велела мне наклониться.

— Господин, я долго думала, рассказывать ли вам об этом, но все же решилась.

— Почему ты сомневалась? — уточнил я, потому что удивился, Дунья всегда четко знает, о чем говорит, и в своих словах уверена.

— Я не знаю, что я видела, и то, что я скажу слишком важно, это может изменить все.

Вот так новости, подумал я. Дунья была хитрой и весьма умной женщиной, проницательной. Раз она долго думала, прежде чем прийти ко мне, то дело видно и правда серьезнее некуда.

— Так как я сомневаюсь, то я скажу вам только факты, без своего мнения обо всем. Вы достаточно умны, чтобы правильно распорядиться этой информацией.

Почему-то мне стало немного страшно, и холодок пробежал вдоль позвонков. Но я халиф или как? Я должен узнать эту новость.

— Прошу, говори.

— Вы помните кулон Фахира, красивый такой? — я кивнул головой, и Дунья продолжила, — Точно такой же кулон Джалила купила Амиру, так она мне сказала, мы тогда с ней вдвоем были на базаре. Это было еще до ее беременности. Но у Амира я не видела этого кулона, ни на нем, ни в его комнате, я не видела его никогда. Я увидела этот кулон лишь однажды, когда Хаят сорвала его с Фахира.

Дунья замолчала, а я так и не понял, почему она придавала этому такое значение.

— Может Амир подарил кулон Фахиру? Или еще кому-то подарил, а у Фахира просто такой же кулон, или похожий, — размышлял я вслух.

— Это может быть так господин. Я не знаю, что я видела, а клевета страшный грех, но я должна была сказать об этом. Может быть, это ничего не значит, а может, значит так много, что перевернет нашу жизнь.

Дунья встала с тахты и пошла в кухню. Она наконец запела, как будто облегчив душу, и я понял, почему она была такая странная.

Но почему она придает этому кулону такое значение? Она что, думает, что Джалила подарила кулон Фахиру, и соврала Дунье, что купила его для сына? Меня прошиб холодный пот, когда я вдумался в эту мысль, и несколько раз прогнал ее через свое сознание. Рука мелко задрожала, и я не понимал, это от ужаса того, что я понял, или от холода.

В чайную вошла Захра с Хаят на руках, я глянул на них и побледнел, возможно, Хаят не моя дочь! Я встал с тахты и пошел прочь из дома, не сказав Захре ни слова, не поцеловав ее в лоб, не чмокнув ладошку Хаят. Аллах, возможно, она не моя дочь!!

Я так слепо доверял Фахиру, что даже не сразу понял, при чем тут этот несчастный кулон. Мысль о том, что он может спать с моей женой даже в голову мне не помещалась.

Я вышел за ворота в чем был, без куртки, в домашних туфлях, и побрел в пустырь за домом. Тут же подбежали телохранители.

— Уйдите! Я хочу побыть один.

— Но сид, вы вышли за ворота.

— Уйдите!! — проревел я, и солдаты, опешив, оставили меня.

Я дышал все чаще, но все больше мне не хватало кислорода, а желудок болел так сильно, как будто в него с размаха ударили ногой. Я начал задыхаться, и жадно хватал воздух открытым рыбьим ртом. Слезы текли по щекам от боли и удушья. От предательства. Я весь горел, и не чувствовал того, что туфли уже полны мокрого снега. Меня всего пробивала мелкая дрожь, тело покрылось липким потом и рубаха прилипла к спине.

Ноги вдруг стали немощными, подкосились, и я упал на четвереньки. Штаны сразу пропитались снежной кашей, было ощущение, что лед хочет пробраться мне под кожу и застыть в венах. Меня вырвало, и только после этого получилось сделать вдох, и с выдохом я заскулил как избитая хозяином собака. А потом пришло отрицание.

Нет.

Этого не может быть.

Не может быть!

Это все бред какой-то.

Это неправда.

Я схватился руками за тюрбан и сорвал его, протаскил вниз по лицу, и что было мочи закричал в него.

Этого просто не может быть!

Это кошмарный сон, и мне надо проснуться.

Надо проснуться.

Это неправда.

Я не знаю, что правда.

Пока не знаю.

Спустя какое-то время мое дыхание начало выравниваться, самообман дается людям куда проще правды. Я вытер тюрбаном слезы, сопли, и потекшую из перекошенного ударом рта слюну. Надо привести себя в чувства, и вернуться домой прежним. Нормальным. Счастливым. Без мысли о том, что Фахир, мой друг, почти брат, отнял у меня возможность на это счастье. Вернуться с мыслью, что я отец. Что я достоин быть халифом. Что я полноценен. И что еще могу доверять людям.

Я отдышался, заново намотал тюрбан, пропитанный моим унижением, и медленно пошел в направлении дома. Казалось, что все органы внутри меня опустились вниз, а их место заполнила тяжелая слизистая масса. Она была противной и вызывала чувство неприятного удивления. Она ошарашивала.

Чем ближе я подходил к дому, тем больше пытался казаться прежним, хотя за последние двадцать минут я изменился до неузнаваемости. Я решил тихо выяснить, грешна ли моя жена, и если да, то наказание будет жестоким и кровавым. Для них обоих. Слово пощада и так не часто присутствовало в моей жизни, а теперь и вовсе исчезло. Я стал еще злее и неумолимее.

Захра стояла сразу за воротами, уже без Хаят. Это к лучшему, сейчас я мог бы сломать девчонке шею, даже не разобравшись, что к чему. Лучше мне пока держаться от нее подальше. Я понимал, что сейчас это всего лишь домыслы, не подкрепленные вообще ничем. Подумаешь, одинаковые кулоны! Это же такая глупость, нельзя убивать людей только за нелепые слухи. Но что-то внутри меня говорило, что все это правда.

В моей голове будто бы пазл сложился. Джалила не любит меня, это было видно с первых дней. Она хорошая жена, она послушная, никогда мне и слова против не говорила, она делает все, что нужно, и не делает того, чего не следует делать. Первые месяцы она была глубоко несчастна, и в постели с ней я даже иногда чувствовал от нее подобие отвращения, но молчал и терпел ради Захры.

Но потом вдруг Джалила засветилась, так светятся женщины рядом с любимым мужчиной. Меня она не любила, хорошо, что мы притерлись, и я хотя бы перестал чувствовать от нее этот колючий холод, уже великая победа. Она вела себя прилично, никто не доносил на нее, и я решил, что она просто рада тому, что Амир теперь рядом.

Они с Фахиром сразу стали друзьями, но я решил, это потому, что Джалила долго ухаживала за Фахиром после атаки дрона, и два, пока еще чужих человека в доме, просто сблизилась.

Фахир обожает Хаят, постоянно нянчит ее, стоически терпит дергания за волосы и бороду, сюсюкается с ней, и наверное подгузники бы ей менял без протестов, если бы понадобилось. Я думал это потому, что все любят Хаят, ну и потому что это же моя дочь, даже если ты ее не любишь, то должен делать вид, потому что дочь халифа ИГИЛ¹ особая принцесса.

Сейчас все это предстало в моей голове совсем в других декорациях, и эти подходили больше прежних. Я утром чуял, что Дунья права. Был ли я рад такой правде? Я не знаю.

— Хабиб, что случилось? — с порога спросила Захра. Она сразу почуяла неладное, когда я прошел мимо нее, как мимо пустого места в чайной.

Я обнял жену и прижал к себе, поцеловал в лоб и нежно погладил по щеке. Я знаю, что она никогда меня не предаст, что бы ни случилось. В этом мире мы с ней одно целое, и я доверяю ей не как себе, а больше, чем самому себе.

— Не бери в голову, уже все решено. Пойдем в дом, я замерз.

— Ты весь грязный.

— Я поскользнулся и упал, — я усмехнулся, но получилось это как-то нелепо и искусственно.

— Растопите хамам, — крикнула Захра служанкам, как только мы вошли в дом, и сильнее прижалась ко мне.

Рядом с Захрой я окончательно успокоился и включил голову. Не принимай решений, когда зол, и не давай обещаний, когда счастлив. Сейчас, на холодную голову, когда эмоции не руководят мной, я могу продумать, как поступить дальше.

Когда хамам был готов Захра разделась и повела меня греться. Она нежно мыла меня и болтала о чем-то совершенно не важном. Захра всегда так делала, когда видела, что мне нужно переключиться, отпустить текущую ситуацию. Потом, когда я к ней вернусь со свежей головой, решение придет само собой. А когда глаз замылен на одной проблеме, то она кажется беспросветной и совершенно не имеющей решения.

¹ Здесь и далее: ИГИЛ — международная исламская суннитская джихадистская террористическая организация, запрещенная на территории Российской Федерации.

Как много она для меня делает вот таких важных вещей. Молча. И никогда не указывает на свой огромный вклад в мою жизнь. Женщины и впрямь управляют мужчинами, негласно, с молчаливой улыбкой они нежной рукой поворачивают наши головы туда, куда нам действительно надо смотреть. И кто только придумал такую глупость, что мужчины управляют миром? Мы-то можем и управляем, но направляют, задают курс именно они, эти якобы слабые создания.

В хамам заглянул слуга и сказал, что Фахир вернулся.

— Позови его сюда, срочно, — велел я слуге и поцеловал руку Захре. Она поняла намек, и ушла.

Через полминуты в хамам заглянул Фахир.

— Раздевайся и заходи, погрейся со мной, — сказал я своему телохранителю, и тот кивнул головой.

Фахир не ожидал приглашения попариться, и я застал его врасплох, на это я и рассчитывал, чтобы в спешке он не успел, или забыл снять кулон. Так и вышло. Я не хотел вызывать подозрений, и не стал сразу накидываться на него с расспросами. Сначала Фахир доложил мне о делах, по которым я его посылал, потом мы поговорили о погоде, зима выдалась морозная, потом о всякой ерунде. И я решил, что пора. Я повернулся к Фахиру, и глянул на кулон.

— Красивый, — сказал я, указывая пальцем, на предмет смуты, — любишь украшения? Я не видел его раньше. Это аят аль-Курси?

— Да, аль-Курси, — ответил Фахир, и лицо его изменилось, в мелких деталях, а я внимательно следил за его мимикой. Фахир улыбнулся уголками глаз, сам того не желая, и в хамаме как будто стало еще теплее. Так бывает, когда вспоминаешь о любимой. — Это подарок, я не любитель украшений.

— Любишь ее? Ту, кто подарил кулон? — как бы невзначай спросил я, с трудом сдерживая накатывающие огромной волной эмоции. Фахир смотрел на меня и не отвечал, в воздухе повис незадачный им вопрос «с чего ты взял, что это подарок женщины?», тогда я пояснил, — ты весь засветился, как влюбленный мальчишка, так что скрывать нет смысла, это явно подарок женщины. Так что, любишь ее?

Я старался держать дружеский тон и не давить, а как бы подтрунивать над другом, и у меня это получалось.

— Я люблю Халифат, и только его, — ответил Фахир, уходя от прямого ответа, и пресекая развитие этого разговора, чем и выдал себя. — А женщины всегда на последних местах. Я предан своему делу, и не отвлекаюсь по пустякам.

А, так вот к чему ты клонишь, подумал я, Фахир решил, что я недоволен тем, что он отвлекается на женщин и хуже делает свою работу.

— Я знаю, что ты предан, и ценю это. Но я был бы рад, если бы ты завел семью, родил бы детей, это такое счастье, не передать словами! — Я улыбнулся открыто и широко, а Фахир одарил меня наполовину искусственным оскалом. — Так что знай, я совсем не против, если ты женишься.

— Спасибо Хабиб, это много для меня значит.

На этом разговор о кулоне закончился, и перешел на другую тему, но мне было достаточно и этого. Фахир не развеял моих сомнений, а только укрепил их.

Прямоком из хамама я пошел к Амиру. Он читал новую книгу «Тактика войны», написанную одним военным, книга была о том, какими методами можно воздействовать на противника в наших условиях, когда Гея не позволяет совершать массовые убийства.

— Как тебе книга, Амир? — спросил я, садясь рядом с мальчиком на кровать.

— Ничего нового я для себя пока не увидел.

— Это потому, что тебя обучают лучшие тактики и стратеги.

— Тебе виднее, отец.

— Знаешь, что я подумал? Ты много учишься, и я очень горжусь тобой и твоими достижениями. Я хотел бы провести с тобой время, и отдохнуть. Давай завтра сходим на базар, съедим по кебабу, выпьем чаю со сладостями, отдохнем, поболтаем. Купим тебе что-нибудь красивое, как кулон, что подарила тебе мать. Что скажешь?

— Я с радостью проведу с тобой день, я люблю тебя и многому у тебя учусь, — с улыбкой ответил Амир. — Только, о каком кулоне ты говоришь? Мама никогда не дарила мне украшений, я ведь не женщина! — он усмехнулся, как чему-то совершенно невозможному, и горький ком разделил мою голову с телом.

— Может, я что-то путаю, не бери в голову. — Я прижал к себе Амира и потрепал густую каштановую шевелюру. Какой же все-таки хороший парень, жаль, что он не мой. — Значит, завтра идем на базар.

Я сидел на закрытой крышке унитаза, зажав ладонями лицо. Это какой-то кошмарный сон, как это вообще могло со мной произойти?! Этот вопрос не шел из моей головы, и я понял, что заикнулся на нем. В ванную комнату вошла Захра, оперлась о дверной косяк и уставилась на меня. Она не задавала вопросов, ее взгляд и поза были куда красноречивее.

Я посмотрел на нее, такую родную, мою, ту, которой totally доверяю, и так хотелось поделиться с ней всем, что у меня в голове и на сердце. Но не стал. Захра умная, и она меня знает, она живет со мной много лет, и знает, как я мыслю. Она поймет, что если Джалила виновна, то пощады не будет ни ей, ни Фахиру, ни даже Хаят. Желание спасти дочь пересилит, и она расскажет обо всем Джалиле, и поможет организовать побег. Мне все эти телодвижения ни к чему. Дунья будет молчать, полагаясь на мое решение, так что если буду молчать и я, то никто ничего не узнает до последнего.

— Хабиб, — все же нарушила молчание жена, — я вижу, что произошло что-то серьезное. Просто ответь, ты ведь знаешь, что можешь полностью мне доверять и положиться на меня? Что я помогу тебе в любом деле?

— Конечно, хаяти. Я знаю, — соврал я. В этом деле ты мне не поможешь, милая, поэтому, лучше тебе ни о чем не знать. — Иди спать, я скоро приду.

Захра ушла, а я так и остался сидеть на крышке унитаза. Что я делаю? Почему я, халиф ИГИЛ, прячусь в ванной? Как я до этого докатился? Почему эта ситуация сделала меня меньше и глупее? Потому что меня, большого, злого и грозного перестали бояться. Изменять мне, в моем же доме, с моим же другом и телохранителем, это уму непостижимо! Разве я какой-то простак? Разве я не страшен? Что вообще может заставить людей подвергать себя такому риску и в такой наглой форме?

Было два ответа: либо я не кажусь опасным, либо они когда-то в прошлом уже почувствовали тяжесть моей ладони у себя на шее, и теперь ничего не боятся. Второй ответ был очевиден, так как оба голубка видели своими глазами, насколько я жесток.

И здесь, прячась от чужих глаз в собственной ванной, сидя на крышке унитаза, я впервые задался вопросом: «а кто они вообще такие? Откуда они взялись?». Я вдруг почувствовал себя достойным своего укрытия, ощутил себя глупым и недалеким, доверчивым простачком, над которым смеются за спиной. Эти двое пришли в мою жизнь и мой дом из ниоткуда, но их привели проверенные люди, потому я даже не думал о том, что они могут быть врагами и предателями.

Бурная фантазия повела меня в дебри, и я уже начал думать, что они были знакомы до того, как попали ко мне в дом, ведь это случилось в один день. Джалилу я впервые увидел в день свадьбы. Ее привела Захра, и этого было достаточно. Для Захры я женился бы и на крокодиле, но Джалила оказалась красоткой. Фахир пришел ко мне в тот же день сообщить о готовящемся нападении. Он спас меня и Захру, рисковал собственной жизнью. Но, по суще-

ству, я был благодарен ему не за спасение собственной жизни, а за спасение Захры, потому что без нее моя жизнь не имеет смысла.

Надо узнать, откуда они взялись, кем были до прихода в мой дом, где родились, росли, кем были. Я должен узнать о них буквально все. У меня был человек, Газир, он мог добыть любую информацию. Газир не был мне другом, и я не доверял ему, но у него было одно стабильное качество — он любил деньги, и был верен тому, кто платит больше. А еще знал, что получит пулю в лицо, если вдруг раскроет рот. Я платил за услуги баснословные деньги, и время от времени припугивал.

Сидя в своем унижительном убежище, я решил дать задание Газире собрать всю возможную информацию о Джалиле и Фахире, и сделать тест на отцовство Хаят, так же через Газира. Не стоит пока никому ничего об этом знать.

А что же делать, если их предательство все же подтвердится, и Хаят окажется дочерью Фахира, а не моей? Я не смогу убрать их по-тихому, Хаят была слишком долгожданной, и пропажу одной из жен люди явно заметят. От всех этих мыслей голова раскалывалась, казалось, еще чуть-чуть, и она лопнет, разлетится по стенам, и я решил закрыть для себя эту тему на сегодня.

Захра была в постели, родная и уже сонная. Я обнял ее, вдохнул аромат волос любимой женщины, провел губами по впадинке на шее, и она улыбнулась, я не видел, но почувствовал это. Прости меня любовь моя, за мои мысли, и мои планы, которые разобьют твое сердце, мое сердце. Ведь все в этой жизни для тебя. А до тебя я и не жил вовсе, а существовал в ожидании. Прости за все беды, за все горе, что тебе пришлось пережить из-за меня, и что еще придется пережить. Ты явно заслуживаешь мужа получше меня.

— Я люблю тебя, — шепнул я на ухо почти заснувшей Захре, и она прислонила щеку к моей руке, как бы говоря о взаимности.

Следующим утром я вызвал к себе Газира, и он не заставил себя ждать. В моем доме есть специальная комната для переговоров, в ней нет окон, стены, пол и потолок обшиты специальным сплавом, который глушит любые сигналы и прослушку, вдобавок выступает как звукоизоляция. Любые разговоры, требующие приватности проходят в этой комнате. Газир был здесь несколько раз, и сейчас понял, что дело будет серьезное.

— Газир, друг мой, — начал я, — у меня к тебе очень деликатное дело, и оно повышенной важности, поэтому я требую от тебя исключительной конфиденциальности. Нужно будет задействовать только проверенных людей.

— Я понял тебя, господин. Твои тайны уйдут со мной в могилу, ты же знаешь. Скажи, что я могу для тебя сделать?

— Мне нужно, чтобы ты собрал информацию на двух человек. Я хочу знать о них все, с рождения и до сегодняшнего дня. Хочу знать о них совершенно все, нет той информации, которая была бы для меня лишней. Все, понял?

— Да, господин, понял. Так кто же эти люди?

Я молчал, просто сидел и смотрел на Газира. Не думал, что делиться с кем-то своим позором будет так стыдно и больно. Надо его убить после, какими бы не оказались результаты его поисков. Не смогу его больше видеть.

— Это моя жена Джалила, и личный телохранитель Фахир.

Газир был профессионалом своего дела, деликатные темы требуют деликатного общения. Ни один мускул на его лице не дрогнул, но глаза блеснули любопытным огоньком.

— Я тебя понял, будет сделано господин. Я сам лично займусь этим, и никого лишнего привлекать не стану. Мне потребуется около месяца, тебя устроят такие сроки?

— Хотелось бы быстрее.

— Я беру себе время с запасом, на всякий случай, если придется куда-то ехать. Твоя жена ведь из Джелалабада, а откуда Фахир я и вовсе не знаю. Он точно не местный, хоть и на фарси говорит отлично, но слышен какой-то нюанс в его говоре, как будто это не его родной язык, или есть и другой язык, который он знает наравне с фарси.

Удивительно, подумал я, Фахир постоянно рядом со мной, а я и не заметил этого, а Газир общался с Фахиром раза три от силы. Вот, что значит профессионализм.

— Бери столько времени, сколько тебе нужно, но не затягивай, это очень важно для меня. К тому же, есть еще одно деликатное дело, которое я хочу тебе поручить, — я снова замолчал, слова застряли у меня в глотке, и я невольно закашлялся. Газир молча и терпеливо ждал. Я откашлялся, сделал глубокий вдох, и все же сказал это, — мне нужно сделать тест ДНК. Строго конфиденциально.

— Не думай об этом господин, я лично обо всем позабочусь. Никто ни о чем не узнает, обещаю. Когда мне прийти за материалом для теста?

— Я тебе сообщу.

Сегодня у нас банный день, он проходит по вторникам, много лет назад так решила Захра. Уж не знаю по каким поверьям, но так испокон веков было заведено в деревне, где она родилась.

Пока женщины мылись в хамаме я отправил Фахира по моим делам, а сам направился к нему в комнату. Для определения отцовства лучший материал для исследования это кровь. Я не придумал, как у всех участников моей задумки взять образцы крови и не вызвать подозрений, а так же удержать в тайне от окружающих все это. Следующими после крови хорошо подходили предметы с остатками слюны и других жидкостей. Дальше волосы и ногти.

Я отправился в комнату Фахира забрать его зубную щетку и собрать пару волосков с постели. Когда я вошел внутрь, то понял, что не был тут ни разу после атаки дрона, а зря. Присутствие женщины чуть ли не в глаза бросалось. Здесь даже в воздухе пахло женщиной, и по аромату я сразу узнал запах своей женщины, и глаза мои налились кровью.

Стиснув зубы, я пошел в ванную комнату, здесь даже женская расческа в шкафчике лежит! И как служанки не увидели всего этого? Видимо они в сговоре! Ярость прокатилась по шее и упала в пятки, пройдясь по позвоночнику. Я с силой пнул пуфик, стоявший рядом со мной, и он с шумом упал. Боль в ноге от удара чуть остудила злость, я сделал вдох и медленно выдохнул.

Забрал зубную щетку и направился к кровати. Откинув покрывало я увидел несколько длинных женских волосков на подушках. Они даже не пытаются замечать следы! Я быстро собрал с подушки волоски Фахира, прихватил его трусы из корзины с грязным бельем на всякий случай, если этого окажется мало, и вылетел из комнаты.

Злость текла по венам, и хотелось прямо сейчас вздернуть обоих. Я был зол на них, и на себя тоже. На себя, наверное, больше. И как я мог не заметить того, что происходит прямо у меня под носом?!

Им пощады точно не будет, я лично убью обоих, надо придумать способ поизощреннее. А вот что делать с Хаят я пока не решил. Пусть она окажется моей дочерью, и мне не придется решать этот непростой вопрос. Я люблю эту малышку, чья бы она ни была — она прекрасна, и главное, она совершенно ни в чем не виновата. Ее родители не думали о ее безопасности, и теперь ее судьбу придется решать мне. Если она не моя, то оставлять ее нельзя, как ни крути. Как-нибудь вымолю у Захры прощение, еще три раза женюсь, что угодно сделаю, лишь бы она меня простила. Об этом я размышлял, пока шел в комнату Джалилы.

Надо подумать, как именно я избавлюсь от них и не останусь неудачником, мужем-рогоносцем в глазах Халифата. Да меня самого вполне могут сместить, если об этом узнают. Могут

даже убить по-тихому. Никто не должен узнать об этом позоре, иначе мое правление станет слишком зыбким, оно и так полностью утвердилось только с появлением Хаят.

В комнате Джалилы я забрал пока еще немытую соску Хаят, потом пришлось немного покопаться в мусорке, утром Захра подстригала малышке ноготки. Я увидел на тумбочке повязку на голову Хаят, такая она миленькая в ней, и собрал сколько было волос.

Вечером послал за Газиром, все отдал ему, и тот сказал, что результат будет через день. Когда Газир ушел, я позвал к себе Хаджар.

— Скажи, кто убирает в комнате Фахира? — спросил я.

— Никто Хабиб, он сразу запретил служанкам входить в его комнату, сказал, что всю жизнь сам о себе заботился, и продолжит это делать до смерти. Он только приносит нам вещи для стирки, все остальное делает сам. А почему ты спрашиваешь, дорогой?

— Думал, что в моем доме завелись крысы.

— Что ты! — Хаджар рассмеялась, — да кто осмелиться *предавать тебя*, еще и в твоём же доме? Это надо быть совсем бесстрашным.

— Пара таких человек все же есть, Хаджар. Позже я все тебе расскажу, уж тебе-то я могу доверять.

— Скажи, я могу тебе как-то помочь в твоём деле? — спросила Хаджар, и села рядом со мной на тахту. Она по-матерински погладила меня по плечу своей широкой теплой ладонью, и мне так захотелось плакать! Прижаться к ее груди и рыдать от обиды, почувствовать материнскую поддержку и тотальную любовь. Но пока я не могу это сделать, любовь к Хаят многих подбила бы на предательство.

— Нет, ты ничем не можешь помочь. Но я благодарен за участие, правда, это очень важно для меня сейчас. Спасибо, дорогая, — я поцеловал руку Хаджар, — скоро я все тебе расскажу.

Хаджар ушла, и я остался наедине со своими думами. Теперь меня одолевали мысли о том, как лучше расправиться с предателями, и я прикидывал варианты. Меня сильно ограничивала огласка. Как бы мне ни хотелось разрывать их на куски неделями на глазах друг у друга, мне не остается места для маневра. Придется все обставить как несчастный случай.

Поедем куда-нибудь все вместе, расскажу всех так, чтобы Джалила и Фахир были в одной машине, можно и Хаят к ним посадить. Примотать к днищу русскую бомбу, у меня есть такая, добавить туда побольше взрывчатки, и рвануть так, чтобы их останки разлетелись на несколько километров, чтобы и собрать не смогли.

Русская бомба даст мне повод для конфликта. Я не упущу повода сильнее задеть эту бледную женщину за живое, и навредить России. Будут знать, как вмешиваться в нашу религию. Наверное она будет счастлива, танцевать будет, когда узнает, что я остался без единственного ребенка. Но ничего, это даст мне повод внедрить свой новый способ ведения войны, и развязать ее по-полной. Я поставлю Россию на колени!

Ева

Какие-то люди в белом бегали вокруг меня, суеились, совали мне под нос что-то ужасно вонючее, заглядывали мне в лицо и что-то говорили. Я ничего не слышала, в ушах ужасно звенело. Вот и Рома заглядывает мне в лицо, и что-то говорит, снова только звон.

— Рома, я ничего не слышу, — говорю я мужу, и не слышу собственного голоса. Интересно, из меня вышел хоть какой-то звук? Видимо именно так чувствуют себя глухие люди, это ужасно.

Кто-то снова сунул мне в нос жутко воняющую салфетку, и в глазах зашипало. Спустя пару секунд начали появляться отдаленные звуки. Медленно и верно они начали перерастать в шум, он становился все громче, и я закрыла уши ладонями, чтобы хоть как-то приглушить его.

Я села, осмотрелась, и поняла, что лежу на больничной кровати. Точно, мы же в больнице, Женя упала с елки и разбила голову. Волки! Это меня от стресса что ли так скосило?

— Ром, что происходит? — спросила я мужа, когда гомон голосов вновь принял обычный уровень звука. Рома сел ко мне на кровать, взял меня за руку и просто молча смотрел на меня. — Почему ты молчишь? А где Женя? — вдруг осенило меня, — с ней все хорошо? Врач ведь отвел ее на томографию. Где она?

Рома все так же молча гладил мне руку, я заметила, что в его глазах стоят слезы. И тут как в кино, урывками ко мне начала возвращаться память.

Мы с Ромой ждали, когда врач приведет Женю с томографии, а он все не возвращался, и мы уже начали беспокоиться, как к нам подошел какой-то другой врач и пригласил пройти в его кабинет. Он усадил нас на диванчик и хотел что-то сказать, но мне это было не интересно, наверное, будет просить денег на оснащение больницы, они всегда так делают, когда видят меня, а тут еще и Рома со мной, полный набор, проси не хочу.

— Где Женя? — нетерпеливо спросила я, — давайте мы потом поговорим, а лучше направьте запрос на финансирование в электронном виде в «Свет», быстрее дело будет.

— Нет, я не собираюсь просить о финансировании, — спокойно сказал новый врач, — я как раз хочу поговорить о состоянии вашей дочери.

— Что с ней случилось? Где она? — я вскочила с диванчика, готовая сама бежать на поиски Жени. Что-то внутри меня противилось этому врачу, он казался мне слишком знакомым, и я не понимала почему.

— Пожалуйста, присядьте, я сейчас все объясню, — все тем же уравновешенным тоном сказал врач.

Он слишком спокоен, но отвел нас в отдельный кабинет, это плохо, очень плохо. Я достаточно проработала в больнице, чтобы понимать к чему все это — Женя либо умерла, либо при смерти. И тут до меня дошло, я поняла, почему этот врач кажется мне слишком знакомым. Не он лично был мне знаком, а его повадки, спокойный голос, то, как он выглядел, его опрятность и обстановка кабинета. Этот врач онколог.

Крик застрял у меня в глотке. Голову словно тисками сдавило, а подбородок задрожал неясным тремором. Я чувствовала, как мой рот перекосило, и из правого уголка рта потекла слюна, которая мгновенно заполнила пространство внутри, и язык будто плавал в ней. Врач понял, что я поняла.

— Прошу, присядьте, — он продолжал попытки уговорить меня, и сам встал. — Я сейчас сделаю вам успокоительный укол, хорошо?

— Нет, нет, замолчите! — сказала я сквозь слезы, — я не могу, не сейчас, я не готова это услышать!

— Ева, ну ты чего? Иди сюда, — Рома встал и попытался обнять меня и усадить на диван. Врач уже шел ко мне со шприцем успокоительного в руке.

Слезы лились градом, и я начала задыхаться. Я часто и шумно дышала, но кислород как будто не попадал в мои легкие, и от бессилия я закричала. А потом тяжелая темнота заволочла веки и голову, рот расслабился и я наконец вдохнула. Это действие нейролептика.

Сейчас, очнувшись, я все это вспомнила. У Ромы слезы стоят в глазах, значит, врач рассказал ему. Голова была тяжелой, но на душе стало куда спокойнее.

— Где этот врач? — спросила я мужа, — я все вспомнила, пусть он мне расскажет.

Рома лишь сильнее сжал мою руку, потом встал с кровати и вышел.

Пока я ждала их, мои руки сами собой сжимались в кулаки и разжимались, так я начинала проверять, могу я вылечить человека или нет, и это была как бы разминка. Сжав несколько раз руки в кулаки, я распрямила ладони и почувствовала, как в них образовались шары. Мне бы прямо сейчас встать и пойти на поиски Жени, а не лежать тут в ожидании непонятных

диагнозов. И только я решила двинуться на поиски, как в палату вошел врач, а следом за ним Рома.

— Как вы? — спросил он.

— Готова слушать.

Врач кивнул головой и подкатил к моей кровати табурет, сел на него и внимательно на меня посмотрел, потом оглядел палату. Проследив за его взглядом, я увидела, что он остановил его на металлической этажерке, на ней лежали какие-то препараты и уже готовые шприцы с чем-то, видимо успокоительным.

— Как вы уже догадались я онколог. Женя упала, потому что у нее закружилась голова, поэтому ей сделали томографию. Она показала у Жени в мозге опухоль, это глиобластома на последней стадии, неоперабельная. — Врач сделал паузу и внимательно на меня посмотрел, не увидел признаков скорого нервного срыва и продолжил. — Скажите, нужно пояснить, что это за опухоль?

— Самая агрессивная форма рака мозга, — ответила я, — я хорошо знакома со всеми формами онкологии. — Слезы потекли спокойными ручейками по щекам, впадая в воротник свитера. — Самый быстрый рак. Неоперабельный, значит опухоль близка к стволу мозга, или проросла в него. Четвертая стадия, значит Жене остались недели с первых симптомов. Все верно?

— Верно. Вашему мужу я уже все подробно объяснил, — он глянул на Рому, тот сидел рядом со мной, потерянный и разбитый.

— Полгода не так много, почему мы раньше не заметили опухоли? Ведь мы привезли Женю сюда после крушения шаттла. Ей делали всевозможные исследования, да ее всю просканировали, тогда еще должны были заметить опухоль, она тогда только-только образовалась! — тон моего голоса становился все выше и агрессивнее, и я перешла на крик. — Если бы вы тогда обнаружили опухоль, ее бы сразу удалили, и все, почему теперь она должна умереть?! Кто просмотрел опухоль тогда? Я хочу видеть этого человека!

Я вдруг замолчала, потому что почувствовала, как Рома сжал мою руку.

— Помнишь, врач приемной сказал, что не нашел карту Жени? — спросил он, и я кивнула. — После того, как мы удочерили Женю, она получила нашу фамилию, и стала Тихоновой, а тогда была Бережной, поэтому получилась путаница. Опухоль сразу заметили на первом обследовании, и она тогда действительно была крошечной. Нам с тобой ничего не сказали, потому что тогда мы не были ее родителями, и официальные документы с результатами обследований отправили ее опекуну, то есть бабушке.

— Той твари?! — возмутилась я.

— Да. Я тогда тебе не говорил, но прежде, чем утвердить нас как официальных опекунов, до удочерения по закону Жениным опекуном была бабушка. Она тогда уже поехала в тюрьму, вместо Багамских островов, и видимо в отместку ничего нам не сообщила, и даже умышленно скрыла от нас информацию о здоровье Жени.

Я вдруг почувствовала дикую усталость, и очень захотелось просто выйти из своего тела. Что происходит? Такого вообще не должно происходить. Да сколько можно, Вселенная? Почему ты над нами издеваешься? Мои вопросы остались без ответа.

— Сейчас Женю положили в палату, ей прокапают лекарства, которые уменьшат симптомы, — сказал врач. — Что вы решите делать дальше, только ваш выбор. Ева, мы не обсуждали этого с Романом Сергеевичем, поэтому я сейчас расскажу. Мы можем выиграть немного времени химиотерапией, это может быть полгода, максимум восемь месяцев.

— Нет, — прервала я его, — никакой химии. Все эти полгода, что мы выиграем, она будет восстанавливаться, не сможет бегать, прыгать, есть вкусняшки вагонами. Облысеет, ее будет постоянно тошнить и рвать, она будет чувствовать себя больной, и по факту так и будет, а потом все равно умрет. Я против такой жизни перед смертью.

Я повернулась к Роме с вопросительным выражением лица, и не узнала своего мужа. Он был таким маленьким и потерянным. Сломленным. Господи, как хорошо, что каким-то чудом я осталась в своем уме. Мы поменялись местами. Раньше Рома всегда держал оборону и стойкость за нас двоих, пока я лежала в депрессии, пыталась покончить с собой, истерила и выпадала из реальности. Он все это время был сильным за нас двоих. А теперь сломался. Значит теперь я должна его подменить. Я погладила Рому по щеке и следом поцеловала туда.

— Ничего, я заступаю на смену, родной, — шепнула я мужу и перестала беззвучно плакать. Повернулась к врачу, и сказала: — мы отказываемся от химии. Дальше у нас выбор, оставить Женю в больнице до самого конца, или забрать домой, так? — врач кивнул, — значит мы заберем ее, хотя бы Новый год отпразднуем. Я десять лет была сиделкой у раковых больных, поэтому все знаю, и помощь мне не потребуется. Выпишите мне все лекарства для облегчения симптомов, когда станет совсем плохо мы привезем ее в больницу, или может оставим дома, это как Женя сама захочет.

— Я еще выпишу легкие транквилизаторы для вашего мужа, хороший психолог у вас, как я знаю есть. Если хотите, вы можете оставить его здесь на сутки, и мы о нем позаботимся.

— Накачаете нейролептиками? Не надо. Хотя... — я повернулась к мужу, — Рома, хочешь здесь остаться на денек? Тебе лекарство дадут, и ты поспишь, мозг перезагрузится. Что скажешь?

— Нет, поехали домой, нам для Жени нужно лучший Новый год организовать. А когда мы сможем забрать ее?

— Вечером уже сможете, — ответил врач. — Вам нужна помощь в том, чтобы рассказать обо всем самой Жене?

— Хороший вопрос, — сказала я, на Земле нам не разрешали разговаривать об этом с пациентами. Думаю, что если я сама не смогу, то подключу нашего психиатра. В любом случае, я сначала должна кое-что попробовать.

Я попросила отвести меня в палату к Жене, Рома рвался идти со мной, но я сказала, что мне нужно быть одной, и что он будет мне мешать. Конечно Женю поместили в VIP палату, которая выглядела, как люкс в лучшем отеле Москвы. Она спала, и казалась такой маленькой на этой огромной кровати, ее детское тельце затерялось в подушках и одеялах.

Мои руки не работали. Что я с ними не делала, и как только не старалась, ничего у меня не выходило, и ладони мои были предательски холодными. Ни намек на шары. С папой было так же, и я так же отрицала и неприятно удивлялась тому, что руки будто бы выключили. Ну почему я чужих, совершенно незнакомых мне людей могу лечить на ура, а своих, родных, тех, кого люблю, я не могу? Это кажется жутко несправедливым. Это и есть несправедливость.

Конечно, я и в обычной ситуации могла вылечить не всех, но когда это чужие люди, то не обращаешь на это внимание, этого не могу, а этого могу, значит так надо. Где только это понимание, когда перед тобой девочка, которая называет тебя мамой?

Упрямо отрицая собственное бессилие, я пошла в реанимационную палату, меня пустили без проблем. Не стесняясь медсестры находящейся внутри, я стала посреди палаты и потеряла ладони друг об друга. Шары тут же зажглись. Лечить людей при посторонних я конечно не стала, я пришла сюда проверить не сломалась ли я. Нет, я все еще работала.

Вечером мы забрали Женю домой. Она все хвасталась своими четырьмя швами на голове, пока не прошло действие обезболивающих.

— Папа, почему ты такой грустный? — пристала Женя с расспросами к Роме, хотя он бодрился изо всех сил, и пытался выглядеть как обычно. — Ты что собачек в лесу испугался?

— А знаешь, да, я их испугался. Это были очень плохие и злые собачки. И даже не собачки это вовсе были, а другие животные, волк называется. Они хотели нас съесть!

— Ого, — удивилась Женя, — прямо съесть? Живыми? — теперь и она всерьез испугалась.

— Да, малыш, — подключилась я.

— Нам было бы больно. И тогда мы бы сделали это, как это слово, что сделали родные мама и папа.

— Умерли, — помогла я.

— Да, точно, умерли.

Женя вдруг осознала масштаб того, что с нами произошло, и могло бы произойти. Она смотрела на меня ошарашенными глазами, а потом прижалась ко мне так, как тогда, когда упал ее шаттл. Вцепилась в меня мертвой хваткой и вдруг сказала:

— Я не хочу умирать. Папа сказал, что я буду жить еще очень-очень-очень-приочень много лет.

Рома был за рулем, и я почувствовала, как дернулась машина.

— Хочешь, я поведу? — спросила я мужа с заднего сиденья.

— Нет, все хорошо.

Хабиб

Два дня спустя ранним утром ко мне пришел Газир. Я был еще в постели, потому что снова пропустил утреннюю молитву, не до бога мне сейчас. Газира не хотели пускать и тревожить меня в столь ранний час. Тот сказал, что я его жду с крайне важными вестями, и у всех шапки полетят, если его сейчас же не пустят ко мне.

— Дорогой, там Газир пришел, — сказала мне Захра, потрепав за плечо.

Сон как рукой сняло.

— Проводи его в переговорную, я сейчас приду.

— Что у тебя за дела с этой жабой? — Захра скривилась, — он очень неприятный тип, и доверять ему нельзя.

— Не переживай, скоро я от него избавлюсь, — ответил я, натягивая штаны, и Захра в удивлении подняла брови.

— Позже ты обо всем узнаешь, а пока не думай об этом.

— Мне не нравится, когда ты от меня что-то скрываешь, потому что мне кажется, что это касается меня, потому ты мне ничего и не говоришь.

Ох дорогая, какая же ты у меня умная.

— Не придумывай глупостей, — крикнул я из ванной и закрыл дверь.

Пока я шел в переговорную казалось, что все мышцы во мне дрожали, как при жутком похмелье. Я должен собраться и принять любую правду, которую мне скажет Газир. Я должен быть стойким.

— Доброе утро, господин, — улыбнулся Газир.

— А оно будет для меня добрым?

Газир лишь улыбнулся, и долгое время молчал, глядя на меня.

— Рассказывай, — прервал я молчание. — Я так понимаю, у тебя готовы результаты теста?

— Да, господин, вот они, — Газир протянул мне конверт. Я открыл его, но мало что понял, в нем были какие-то графики и надписи на латыни. — Ты дал мне три образца биоматериала, двое мужчин и один ребенок. Ребенок с образцами слюны, волос и ногтей, один из мужчин так же с образцами волос и материала с зубной щетки, и второй мужчина с образцом крови. Так вот, здесь говорится о том, что родней ребенка является первый мужчина, тот который с волосами и зубной щеткой.

Газир замолчал, давая мне время переварить новость. Тут и дураку было понятно, что кровь была моя, ведь только свою я мог сдать, а, следовательно, отцом Хаят был Фахир. Я не говорил Газире кто есть кто, но он тоже не идиот, я попросил разведать все о Джалиле и Фахире, очевидно, что я хотел выяснить, является ли Хаят моей дочерью.

— Еще есть какие-то новости? — спокойно спросил я Газира.

— Да, господин. У твоей жены очень интересная история. Все есть в том же конверте, через сутки чернила исчезнут с бумаги. С Фахиром сложнее, он очень темная личность, и имеет связи с Россией, — во мне вспыхнул гнев от услышанного, и Газир отшатнулся от меня. — Пока не могу сказать точная ли эта информация, и не буду кормить тебя сплетнями. Мне нужно будет съездить в Чечню и США, там он жил дольше всего, после переезда из Афганистана в детстве. Он долго не сидел на одном месте, так что мне придется поездить, обещаю, я постараюсь максимально быстро все разузнать.

— Хорошо. Спасибо Газир, — я был сама сдержанность, хотя хотелось разорвать голыми руками их обоих, рвать зубами на куски их полуживые тела.

Я протянул Газире конверт с частью его гонорара, он поклонился и ушел. А я остался в полной тишине, униженный и избитый предательством близких мне людей. Расплющенный знанием того, что Хаят не моя дочь.

42

Прощание

*А наавтра опять мне играть свою роль,
И смеяться опять невпопад.
Помнишь, ты говорил,
что любовь — это боль?
Ты ошибся, любовь — это ад!*

Анна Ахматова

Весь мир следил за тем, как нас убили.

*Лишь наши не родившиеся дети
Уже все понимали на рассвете,
Что мир накроет шоковым цунами,
И мир проснется новым, но не с нами
Мара «Самолеты»*

2053 год.

Рома

Помню, как провалился в сон, как только моя голова коснулась подушки, вырубился, буквально вышел из прошедшего дня. Тогда я понял Еву, почему она всегда спит, когда случается что-то плохое. В тебе просто не остается жизни, нет сил даже на то, чтобы элементарно двигаться.

Нет мыслей, потому что думать тяжело, мысли вызывают эмоции, а их выражение тратит слишком много энергии, хочешь ты того или нет, но ты выражаешь эти эмоции. Потому жизнь в тебе словно замирает, и ты впадаешь в анабиоз.

Вот что происходило с Евой после неудачного прыжка с парашюта. А я все пытался ее растормошить и привести в чувства. Хотел, чтобы она снова стала нормальной. Идиот. На деле я боялся, что она вот такой навсегда останется, и бросит меня одного разбираться с тем дерьмом, что свалилось на нас прямо из божьей задницы. Какой же я был скотиной! Эгоистичной мразью. Я вдруг сам себе стал противен.

Я хотел сказать об этом Еве, хотел извиниться перед ней, хотел сказать, что теперь понимаю. Но так и не сказал об этом еще несколько лет. Не было сил, не хватило сил. А может и смелости не хватило. Только тогда я понял, какой сильной была Ева, что вынесла все это.

Я наконец сломался, так поступают мужики, мы не гнемся, мы стойко держимся, но в итоге ломаемся. А женщины гнутся, ложатся на землю, переживают (и переживают) бурю, и снова поднимаются. Их сила в гибкости и выражении эмоций.

Когда в больнице Еве вкололи успокоительного, и врач сначала рассказал все мне, первой моей мыслью было «я не переживу Евиной реакции, я просто не выдержу этого». У меня не хватило сил даже на самого себя, не то, что на Еву. Мне казалось, что я сам сию же минуту умру, развалюсь на части, рассыплюсь в песок. Во мне просто не было сил на нас двоих.

Ева удивила меня своей реакцией. Она словно подхватила меня под руки, подставила свое плечо и всю себя. В этой самой страшной ситуации, что с нами на данный момент случалась, Ева стала нашей опорой и твердыней.

— Пап, ну ты там заснул что ли? — крикнула Женя, и пульнула в меня снежком, я не успел увернуться и упал от неожиданности.

Надо меньше думать обо всем этом. Потом, когда Женя уйдет. Потом поплачу и пострадаю, а пока нельзя. Не так долго осталось.

Я попробовал встать, но почему-то не смог, сил не было. В какую же развалину я превратился за последнюю неделю. Ко мне подбежала Женя и свалилась на меня всем телом.

— Папа, вставай! Давай играть, пока у меня температура прошла.

Я посмотрел на эту радостную девчушку, которую мы ждали долгие семь лет, которую уже отчаялись обрести, и которая умрет через неделю или две, прожив с нами лучшие полгода наших жизней. Я посмотрел на ее горящие глаза и ямочки на щеках, на заснеженные длинные ресницы, и мелкие зубки, выглядывающие из-под улыбки розовых детских губок, и прижал ее к себе. Я всеми силами старался не расплакаться, но не смог. В очередной раз меня спасла Ева.

— Женька, ты опять папе все хозяйство отбила, — сказала подошедшая жена, она сняла с меня Женю и прижала ее к себе, — смотри, даже до слез довела бедолагу. Пойдем в дом, там Маша чай вкусный заварила, как ты любишь, с чабрецом и мятой. Ты уже вся заледенела, опять температура поднимется.

Ева молча развернулась с Женей на руках и ушла в дом. Вернулась спустя минуту, чтобы поднять меня.

— Прости, — сказал я Еве, — что-то со мной не так.

— Все с тобой так, — перебила меня жена, — твоя дочь умирает, было бы странно, если бы ты не срывался, и вел себя, как ни в чем не бывало. Прекрати.

Ева села рядом со мной на снег и обняла. Я понял, что она сама расплакалась по содроганию ее тела. Я глянул в сторону дома, и увидел, что Женя стоит возле окна и машет нам рукой. Ее улыбающийся рот был перепачкан сахарной пудрой.

— Женя смотрит в окно.

Ева оторвала лицо, которым уткнулась мне в грудь, достала из кармана сотую салфетку, высморкалась, дала еще одну салфетку мне, вытерла слезы и улыбнулась.

— Я в норме. А ты как?

— Тоже, — ответил я и улыбнулся.

— Нет, улыбка искусственная, давай как-нибудь по-другому, — я сменил улыбку с торжественной на более простую и повседневную. — Да, так хорошо. Мы переживем этот день, правда? — я уверенно кивнул, — ну и хорошо. Давай подниматься, пойдем чай пить.

Когда Ева осознала, что не может вылечить Женю, то стало ясно, что нужно рассказать ей о болезни. Однако любой разговор о смерти в целом Женя воспринимала очень остро, вцеплялась в Еву и висла на ней, отказывалась есть и играть. Мы с Евой подумали, и решили не рассказывать Жене ничего. От химиотерапии мы отказались, жить ей осталось около двух недель, симптомы болезни не успеют сильно сковать ее жизнь, а сам факт смерти очень сильно пугает ее, так зачем омрачать оставшиеся дни Жениной жизни такой жестокой правдой?

Симптомы все же иногда давали о себе знать. Иногда от высокой активности у Жени кружилась голова и она падала в обморок, потом полдня ходила вареная. Она быстро поняла, что с ней что-то не так, и Ева тут же не краснея соврала, что это у нее температура поднимается из-за того, что она с елки упала. И Женя поверила. Но она заметила, что мы с Евой изменились, что мы стали очень грустными и часто плачем. Тогда мы решили для Жени притворяться счастливыми.

Тем же днем, когда мы узнали эту страшную новость, мне позвонил Ежов. Мы еще Женю из больницы забрать не успели, а он уже знал все в подробностях. Он был на редкость добрым и понимающим, сказал, что берет на себя все дела на Гее до Жениной кончины, и что я могу заниматься исключительно семьей, не думая о работе. Это было очень кстати, не хотелось

терять ни минуты из жизни Жени. Максим заверил меня, что никто не разнесет эту новость до кончины Жени, и в новостях не будут мусолить наше очередное горе. Благодаря всему этому мы провели очень уединенно, тепло и по-семейному пятнадцать дней.

Хабиб

Желание расправиться с предателями душило меня, и я решил уехать, пока Газир не объявится с полной информацией. Выдумал себе срочные дела в Иордании и уже спустя несколько часов после ухода Газира поспешно уехал, оставив Фахира охранять семью.

Когда я остался один в своем временном жилище, я открыл конверт, который дал мне Газир, и прочел отчет о моей второй жене. Сказать, что я был поражен, ничего не сказать. Да по этой истории можно снимать сериал.

Удивительно, что при всем, что Джалиле пришлось пережить по вине ИГИЛа, она не убила меня. Я провел в ее постели сотни ночей, и у нее были сотни шансов расправиться со мной во сне, отравить меня, накинуться в открытую, да что угодно. А я, глупый, жаловался на холодность с ее стороны. Вполне возможно, что только их связь с Фахиром сохранила мне жизнь.

Годы с Захрой видимо дали свои плоды. Я долго думал о Джалиле, прогонял ее историю через себя раз за разом. Когда эмоции отпустили, я посмотрел на ситуацию глазами Джалилы, я даже поставил себя на ее место, и холод прокатился по моим венам. Никогда раньше я не делал этого. Сколько же горя я причинил людям. Сколько горя людям причинил ИГИЛ.

Я вспомнил себя шестилетним мальчиком, который пас коз. Вспомнил, как стерли с лица земли мою деревню, как по очереди расстреляли моих братьев. Вспомнил, как я, своей детской рукой убил доброго Али. Вспомнил дорогу в Иран в раскаленном контейнере с мертвой девушкой. Я вспомнил маму, интересно, что с ней сейчас, ведь она может быть еще жива.

Впервые за тридцать два года я вспомнил о матери. Когда Назри забрал меня, помытого, надушенного и чисто одетого у дверей Парвиза, он сказал, что теперь моя жизнь навсегда изменилась, и я должен забыть все, что было со мной прежде.

— Тебя больше не будут звать Юсуфом, — говорил Назри, — я дам тебе новое имя, и новую жизнь. Теперь тебя будут звать Хабиб, и теперь все изменится.

— А мама? — с надеждой спросил я, видя в Назри благодетеля, а не чудовище.

— У тебя больше нет матери, — уверенно ответил он, — зато у тебя теперь есть отец, это я. Ты должен забыть о матери, я твоя новая семья, запомни это хорошо.

Я кивнул головой, и действительно забыл о матери, так сильно я тогда поверил Назри. Было в нем что-то чарующее, люди верили его словам и выполняли его наставления. Я не стал исключением.

В голове всплывали слова Назри: «Если в тебе вдруг проснется сомнение или жалость, то сразу вспомни, для чего ты все это делаешь». И сейчас я вспоминал, и это помогало. Сейчас Халифат на очень высоком уровне, мы признаны половиной стран мира, мы полноценны и с нами считаются. Мы давно не какие-то вшивые террористы или группировка. Мы страна. Два поколения выросли в Халифате. Сейчас мы сильны как никогда. Я силен.

Мы живем в удивительное время, где Гея изменила совершенно все. Именно благодаря Гее ИГИЛ стал полноценен. Сейчас идет новый раздел мира, Россия уже не так сильна, какой она стала благодаря Орлову. Сейчас у нее есть достойный конкурент, и это мы.

Ежов очень любит власть, и стремится завладеть всем, до чего дотянется его рука. Но по другую сторону моя рука отнимает власть. Мы с ним играем в бога, пока Гея смеется над нами, как над двумя мальчиками во дворе. Наши замки из песка, но пока не дунул ветер надо успеть взять свое. Игра в бога идет на очень высоких ставках, и именно я должен взять джекпот.

Вот моя цель, отец, вот ради чего я все это делаю. Мир должен быть моим, иначе нас с Захрой могут изгнать или убить, а этого допустить никак нельзя. Только владея миром, я смогу обеспечить Захре полную безопасность.

Пусть я понял Джалилу, но простить такое я никак не могу, не имею права. Не думаю, что она намеренно старалась подсунуть мне чужого ребенка, и то, что Хаят дочь Фахира, а не моя, просто случайность. Скорее всего, она и сама достоверно не знает, кто ее отец.

Спустя две недели мне прислали посылку, которая перевернула все.

— Господин, вам прислали коробку, — сказал мне телохранитель, — ее проверили детектором на взрывчатку, все чисто, но я не советую вам вскрывать ее самому.

— Кто прислал? — перебил я охранника.

— Президент Ежов, — ответил он и сделал жест, который говорил, что это явно не так, и быть такого в принципе не может.

— Поехали в пустыню, вскроем там. Возьми четверых солдат.

Коробка была довольно большая, и туда могло поместиться что угодно. Она была из пластика, черная и герметично закрыта.

Мне казалось, что под кожей бегают мелкие насекомые, всю дорогу до пустыни я чесался. В коробке явно какое-то послание, но вот от кого? А может и вправду от Ежова? Этот старик полон сюрпризов! И где он только добыл мой адрес, ведь все места моего обитания засекречены.

Казалось прошла целая вечность пока солдаты выгружали коробку, не зная содержимого всё старались сделать очень аккуратно. Они отнесли коробку метров на пятьдесят от дороги, один солдат остался рядом с коробкой, чтобы открыть ее, остальные вернулись ко мне.

— Готовы, господин? — крикнул солдат, оставшийся рядом с коробкой, — я открываю.

Я кивнул головой, и он медленно отстегнул все замки и снял крышку, затем прикрыл нос рукой, но от коробки не отошел, потому что она не несла опасности. Прямой опасности. Солдат нагнулся и покопался в коробке, полностью проверив содержимое на наличие взрывчатых веществ и механизмов. Выпрямившись, он показал мне руку с пальцем поднятым вверх, и мы, вместе с четырьмя охранниками направились к загадочной коробке.

Я еще не видел, что лежит внутри, но уже почувствовал запах разлагающейся плоти. Сделав еще пару шагов я увидел в коробке голову Газира, и ужас пробежал у меня по позвоночнику. В коробке был такой же конверт, который Газир приносил мне ранее. Конверт был вскрыт. Я достал его содержимое, в нем был отчет о Фахире, я прочту его позже. От Ежова не было записки, однако главную мысль Ежов до меня донес — он знает, и использует это против меня. Газира поймали, пытали, и он рассказал им все, до последнего слова. Теперь Ежов знает совершенно все.

Я отошел подальше от солдат, достал телефон и позвонил Хаджар.

— Хаджар, скажи, все ли дома хорошо?

— Все хорошо, дорогой. Все целы и здоровы. Что-то случилось?

— Да, случилось. Послушай, что бы дальше не происходило, я прошу тебя, не вмешивайся. И не помогай Захре. Ты понимаешь меня? Это очень важно, сейчас мы все в опасности, нас всех могут убить. Ты понимаешь?

— Я поняла тебя, сынок. Я могу еще что-то для тебя сделать?

— Просто молчи и делай вид, что все хорошо. Я сейчас же вылетаю домой, через час буду. Хаджар, ты единственная, на кого я сейчас могу рассчитывать, не подведи меня.

Ева

Новогодняя ночь с девочкой, которая называла меня мамой, была лучшей в моей жизни. Даже знание того, что она скоро уйдет от нас не помешало этому. Всегда в новогоднюю ночь я загадывала желание, и свято верила, что оно сбудется. Однажды мое желание сбылось, это было давно.

Тогда было модно устраивать тематические вечеринки, и Зинке всенепременно нужно было не отставать от народа. Она устроила грандиозную новогоднюю ночь, и темой была любовь. Зинка нарядилась в огромное сердечко, муж носил ее на руках, целовал и пел серенады, заглушаемые фейерверками, которые запускали во дворе дома. Все были по парам, влюблены и беспечны. Даже я была с парой, я тогда встречалась с одним волонтером, который спустя месяц улетел на Филиппины и остался там жить.

И столько в ту ночь было сделано предложений руки и сердца, столько было любви и романтики, что в одном месте от сладости слипалось, но меня зацепило этим настроением, и я загадала желание — в наступающем году встретить мужчину, с которым проведу всю свою жизнь. И когда я его загадывала, я от всей души верила, что оно сбудется. Не просто загадала и забыла, потому что все загадывают, а действительно от души. Через несколько месяцев я познакомилась с Ромой.

С того момента я знала, что желания, загаданные в новогоднюю ночь, сбываются. Каждый следующий год я загадывала желание, и последние семь лет оно было одним и тем же — ребенок. В этом году я загадала отсутствие горя. «Пожалуйста, вселенная, просто хватит страдать, пожалуйста, дай нам передышку, прошу тебя, год без горя, хотя бы один год».

Женя держалась, сколько могла, но к трем часам ночи ее скосило. Мы с Ромой уложили ее в кровать и еще долго сидели рядом. Когда Женя засыпала Рома давал себе слабину и сбрасывал маску, часто плакал сидя возле ее постели. А сегодня он спросил:

— Это конечно очень хорошо, что ты так держишься, но все же, почему сейчас, в самый ужасный момент, ты не разваливаешься на куски, как я?

— Честно? — Рома кивнул головой. — Я сама об этом думала, и поняла, что я ждала чего-то подобного. Я так до конца и не поверила, что вселенная наконец-то дала нам ребенка, — в моей груди что-то сжалось, и будто бы из ниоткуда потекли слезы. — Я все время как будто играю в маму, где-то на подкорке зная, что все это не по настоящему, и рано или поздно закончится.

— Надо же, а для меня все взаправду. Ева., — голос моего сильного мужа дрогнул, и он не смог договорить свою мысль из-за внезапно подступивших слез.

Я мягко взяла его за руку и вывела из Жениной комнаты, чтобы не разбудить девочку. Мы долго стояли в гостиной обнявшись. Рома рыдал у меня на плече, елка переливалась разноцветными огоньками гирлянды, в камине потрескивали догорающие поленья, а мое сердце покрывалось новым слоем каменной пыли.

Может быть лимит чувствительности во мне исчерпался, или рубцовая ткань на сердце начала превращаться в броню, но эмоции во мне постепенно стремились к нулю. Чем больше времени проходило, тем больше моя душа черствела. Я уже спокойно воспринимала Ромины слезы, и даже начинала думать о том, какими будут Женины похороны. Если сравнить мое состояние с тем, которое было прежде, когда случалось плохое, то сейчас реакция на происходящее у меня была чуть ли не нормальной.

Женя умерла 12 января. Прошло пятнадцать дней с того момента как мы забрали ее из больницы. Если не считать нашей эмоциональной разбитости, то это были замечательные дни, возможно именно потому, что мы знали, что они последние.

Весь последний день Женя не отходила от нас, садилась к Роме на колени и прижималась щекой к его груди, и они сидели так по два часа. Она была какая-то непривычно спокойная, общительная, тактильная, любвеобильная, впрочем, как всегда, но вместе с тем спокойная.

— Малыш, ты какая-то не такая, как всегда, — заметила я.

— Мне хорошо, — ответила Женя, и обняла меня. — Мне как будто кто-то в ухо говорит «все будет хорошо». Что это означает?

— Не знаю, котенок, со мной так никто не разговаривал. Но раз он говорит, что все будет хорошо, значит нужно этому голосу поверить, правда?

Женя лишь кивнула и прижалась ко мне сильнее. А вечером попросилась спать с нами. Сейчас мы ни в чем ей не отказывали, поэтому легли втроем, Женя разместилась посередине.

По телевизору показывали «Унесенные ветром», Жене очень понравилась Скарлетт, и она заявила, что когда вырастет, то ровно так же будет обращаться с мужчинами. Жаль, что мы с Ромой этого не увидим, подумала я.

Не прошла и половина первой серии, как Женя заснула, а мы с Ромой продолжали лежать в обнимку с этим худеньким ребенком между нами. И вдруг я почувствовала ее присутствие, а потом и увидела. Прямо перед телевизором медленно проплыло пятно колышущегося воздуха. Она обошла комнату по кругу и остановилась возле кровати с Роминой стороны.

— Рома, — осторожно сказала я, — ты пожалуйста только не пугайся. Помнишь, я тебе говорила, что вижу Смерть? — Рома кивнул и напрягся. — Она сейчас здесь, стоит прямо за твоим плечом. Я думаю, Жене пора.

Хабиб

В шаттле я прочел отчет о Фахире. Со смешанными чувствами я смотрел в иллюминатор, стараясь рассмотреть виды, хотя никаких видов на такой скорости нет. Я не злился, а был опустошен и разбит. Я был глубоко обижен. Мой друг, которого я любил как родного, оказался не просто предателем, а русским разведчиком. Официальный русский военный в моем доме. То, что он спит с моей женой уже не казалось таким уж страшным.

Он никогда не был мне другом. Он никогда не был сторонником ИГИЛ, напротив, он презирал ИГИЛ, и презирал меня, а я был рад ему, как молодой пес хозяину. Он все время претворялся. Все время выискивал мои слабые места, чтобы Россия смогла побольнее ударить по ним. Я же, впервые за все годы, прожитые на Гее, завел себе настоящего друга, так я считал. Я был открыт Фахиру так, как меня знала, наверное, только Захра.

Обида была такой горькой, что делала меня маленьким и ничтожным, хотелось накрыться с головой одеялом, и никогда больше ни с кем не разговаривать. Хотелось плакать. Я был ошеломлен тем, что прочитал, но уже не злился, потому что на злость не осталось сил. Я был вымотан и убит всем, что узнал за последние две недели.

Никогда в жизни мне не было так горько и больно, и почему-то все это казалось несправедливым. Я осознавал, что за любое действие будет расплата, не людская, так божественная, а я натворил столько, что эта отдача похожа просто на случайную пощечину, а не трагедию. Аллах очень сильно пожалел меня.

— Господин, — вырвал меня из дум один из охранников, тот, который открывал коробку. Он бы умным и смекалистым, и сразу понял, что случилось что-то очень серьезное. Он знал, что с Газиром у меня были какие-то важные секретные дела. — Могу я спросить?

— Спрашивай, — растеряно ответил я, еще не до конца отошедший от своих мыслей.

— Газир, он выполнял ваше личное поручение? — я молчал, и он знал, что это «да». — Он раскопал что-то тайное о вас, и теперь русский президент тоже знает это? — я снова ответил молчанием. — Господин, надеюсь, вы знаете, что я вам предан, но я хочу заверить вас в этом. Какой бы план сейчас вы не вынашивали, я выполню любые указания без вопросов и промедлений.

— Я тоже, господин, — сказал другой солдат, сидевший позади меня, и положил мне свою широкую ладонь на плечо.

— Мы с вами, халиф, — сказал третий солдат, выйдя передо мной, за ним следом встал четвертый. — Мы все, четверо, будем охранять вас и Халифат, беспрекословно выполним любой приказ. Мы ваш бронежилет, господин.

Эти парни были просто солдатами, которых я взял с собой в Иорданию для охраны на время. Они были молоды, крепки духом и телом, и как оказалось, они были куда преданнее мне и Халифату, чем Фахир. У парней горели глаза, и я кожей чувствовал, что их слова чистая правда.

— Благодарю вас, — удивленно сказал я, — но все же спрошу, откуда такое рвение? Почему вы готовы защитить меня в трудный момент? Ведь вы все уже поняли, что дела плохи?

— Потому что мы одна страна, один кулак, и одна семья, а в семье все друг за друга горой. Только крысы бегут с корабля, но с таким капитаном как вы, корабль не пойдет ко дну, и мы вам в этом поможем.

Парни переглянулись между собой, как бы подтверждая сказанное. От них шла такая сила, уверенность и опора, что я даже подумал, что не все еще потеряно. Своей поддержкой эти ребята принесли мне успокоение. На чистые и ясные мысли мне пришел план дальнейших действий. Так я смогу остаться сильным, не прощающим обид лидером.

Когда-то, еще до моего появления в семье Назри, его сын выказал ужасное неуважение, сказал, что ИГИЛ это хищный пес, изрыгающий пламя, и что в этом пламени однажды сгорит все живое. Я помню эти слова, потому что их напечатали в газете, с помощью которой я разводил костер, когда пас коз. Али учил деревенских детей читать, и я любил изучать газеты, тогда для меня это был некий информационный портал в огромный мир за пределами моей деревни. Сын Назри отказался от ИГИЛа, от семьи, и сбежал.

Это был такой удар для Назри, что его последствия могли лишить отца жизни, не говоря о должности халифа. Если отец не глава в своей семье, и собственный сын смеет ослушаться его, то как же он может управлять страной? Как же в ней люди и солдаты будут слушаться его, и идти за ним? Такой халиф никому не нужен.

Несмотря на боль, причиненную родным сыном, Назри упрочил свое положение жестокостью. Он разыскал сына на другом конце света и убил его и всю его семью, жен и детей, вывесив их обнаженные тела на заборе. Этим поступком он как бы сказал всем, что любой будет наказан, даже если это родной ребенок. Чтобы смыть с себя позор я должен сделать так же.

На меня смотрели горящие глаза молодых бойцов, они только и ждали команды «фас», и я решил, как и когда отдам эту команду.

— Как только мы прилетим домой, у вас будет работа, братья.

Рома

Смерть. Само это слово казалось мне каким-то нереальным, вымышленным, игрушечным. Как будто если не верить в смерть, то она никогда не придет за твоими близкими и никогда не случится с тобой. В глубине души я всегда был согласен с Женей, смерть настолько противоестественное мероприятие, что я просто отказываюсь принимать ее.

Когда Ева сказала, что Смерть стоит у меня за спиной, мне захотелось рассмеяться, настолько глупыми были ее слова. Насколько не настоящими. Пластилиновыми. Как будто она на полном серьезе заявила, что Дед Мороз существует, и сейчас он пришел в гости.

А потом она сказала, что видимо Жене пора. Эти слова привели меня в чувства, как ведро ледяной воды, и я осознал, что это правда. Все внутри меня противилось этому, и я обхватил Женю обеими руками, начал загребать ее вместе с одеялом, прижимать к себе и прятать мою маленькую дочку под себя.

— Не отдам! Пошла отсюда! — крикнул я, сам толком не понимаю, что делаю.

Я боялся оборачиваться, боялся посмотреть на нее, хотя раньше мне всегда было интересно, как выглядит Смерть, тем более после того, как Ева рассказала об этом. Еще казалось, что если я спрячу Женю, то она ее не заметит, и не заберет.

Я уже практически лежал верхом на дочери, когда осознал, что она не проснулась, не сопротивляется моим действиям, не задает кучу вопросов. Затылок покрылся льдом, наверное мое лицо было искажено чудовищным страхом. Безумными глазами я посмотрел на Еву, она беззвучно плакала, зажав рот рукой. Она не узнавала меня.

Когда я понял, что не смогу защитить эту маленькую девочку от огромного всеобъемлющего зла, мною овладела ярость, и я захотел ударить Смерть, это желание пересилило страх посмотреть на нее. И я обернулся. Я ее увидел.

Большое мутноватое пятно колышущегося воздуха висело рядом. Оно было совершенно спокойно и излучало тишину. Мне показалось, что сама она и есть портал в другой мир. Не было косы в костлявой руке и черепа под капюшоном, не было в ней ничего зловещего и страшного, как не было и хорошего. В ней не было вообще ничего. Меня поразило то, насколько нейтральна она была. Тогда я понял, она — это просто переход, откуда и куда неясно, как переход дороги, вроде бы все одно и то же, а вместе с тем уже совсем иное направление.

Ярость ушла буквально в две секунды, и тогда я решился на переговоры. Я должен был хоть что-то сделать!

— Прошу тебя, оставь ее, — жалобно сказал я, будто бы кланча у мамы еще полчаса во дворе с пацанами, а хотел говорить серьезно и твердо, как с руководителями других стран. Плевать, буду говорить, как получится! — Она такая маленькая, ну посмотри на нее, — я аккуратно достал Женю из-под себя и приподнял, как будто Смерть может изменить свое решение просто из жалости. — Она хочет жить долго-долго, и парнями крутить как Скарлетт. У нее ведь ничего толком в жизни не было. Ну прошу, оставь ее. Я умру без нее!

Смерть не шелохнулась, она оставалась безмолвной и тем безжалостной ко мне. Я почувствовал руку Евы на плече.

— Ром, она все равно ее заберет. Я столько раз вот так же ее просила. Перестань, прошу тебя, так только больнее.

Ева захлебывалась слезами, и я с трудом понял, что она говорит. Но я все равно ей не верил. Не обращая внимания на Евины слова, я повторил:

— Я умру без нее. Ты нас обоих убиваешь.

И тут внутри своей головы я как будто услышал: «я никого не убиваю, все умирают сами. Я лишь проводник». А потом пятно наконец сдвинулось с места, оно направилось не к Жене, а ко мне.

Я почувствовал, как Смерть коснулась меня, моей головы, шеи и плеча одновременно. Это прикосновение было самым удивительным из всего, что происходило со мной в жизни. Мне вдруг стало так спокойно и тепло, хорошо. Мне так комфортно в жизни не было. Я закрыл глаза и почувствовал, как плыву в космосе, и вижу вдалеке Вселенную, она светящаяся, голубая и огромная. Она будто бы висит там, раскрыв свои объятия, и я вплыл в них и достиг пика гармонии.

Больше не было во мне ничего, ни одного острого угла, ни одной щелки. Я был словно сложенный пазл, где все на своих местах, и все так и задумано, и всё есть суть и смысл. Я будто бы постиг этот смысл, смысл всего, бытия, жизни и смерти, счастья и горя, материй и энергий. Я понял, что все всегда происходит так, как надо, всё дорога и каждая дорога идет не иначе как к счастью и этой самой Нирване, в которой я вдруг очутился.

Во мне произошло принятие. Великий дар от Смерти. Открыв глаза, я был готов отпустить Женю.

— Хорошо, — тихо, но уверенно сказал я, и почувствовал, как Женя в моих объятиях стала легче. Я повернулся к Еве и безо льда в желудке сказал, — Женя умерла.

Хабиб

В моем доме есть все, что только может понадобиться человеку. Изначально талибы построили здесь небольшой апарт-отель, как только начали переселять людей на Гею. Но гостиничный бизнес как-то не пошел, отель стоял на окраине города, в очень красивом месте с шикарными видами на горы, однако для отеля удаленность от города была минусом.

Отель купил один богач и переделал под себя, превратив в резиденцию. Он что-то не поделил с талибами, видимо почувствовал вкус денег и решил, что у власти вкус такой же, и сильно ошибся. Талибы убили его и забрали себе все имущество, в том числе и этот уже бывший отель. Когда мы договорились с талибами о том, что Афганистан открыто становится центром Халифата, а Кабул столицей, они подарили мне эту резиденцию.

Комплекс имел несколько отдельных зданий разного назначения. Были и хозяйственные постройки, в которых содержали кур и мелкий скот, дабы в любой момент иметь под рукой свежие продукты. Под одним из сараев был огромный глубокий подвал, при отеле здесь была прачечная. При мне здесь организовали тюрьму и пыточную.

Резиденция имела свой маленький космодром, и могла принимать небольшие скоростные шаттлы или космические корабли на два кресла. Никто не ожидал моего возвращения, потому что я никого кроме Хаджар не предупреждал об этом. Нежданных гостей всегда встречала вооруженная охрана. Когда стало ясно, что это мой шаттл, то из дома вышли встречающие. Среди них была «семья» предателей, Захра и Хаджар. Все они кроме старой служанки улыбались и приветствовали меня.

Поцеловав Захру в лоб, я перешел к Джалиле, так положено.

— Мы не ждали тебя Хабиб, — удивилась Джалила, — почему ты не предупредил? Мы бы с Захрой приготовили бы тебе что-нибудь вкусненькое.

Сейчас я посмотрел на всех другими, ясными глазами. Джалила держала на руках Хаят, малышка улыбалась мне и тянула ко мне руки. Джалила была спокойна и счастлива, расслаблена, и даже не представляла, что ее ждет, впрочем, как и Фахир. Он был спокоен и учтив, как всегда, улыбался и крепко, по-дружески жал мне руку.

Из всех этих спокойных лиц выбивалось лицо Захры. Брови ее были чуть сведены, а глаза сощурены. Она поняла, что что-то не так. Никогда раньше я не приезжал домой внезапно, и не предупредив ее, мою любимую жену о возвращении.

Я улыбнулся, и, придерживая Джалилу за спину, увлек за собой.

— Это сюрприз, — ответил я жене, — пошли, я покажу. — Я обернулся и глянул на Фахира, — пойдем с нами, тебе это тоже будет интересно.

Фахир с любопытством шагнул в нашу сторону. Боковым зрением я увидел, как Хаджар развернула Захру в сторону кухни, и, увлекая ее за собой, рассказывала, что она сейчас распорядится готовить. Захра остановилась, лишь на миг, внимательно посмотрела на Хаджар, и, не сказав ни слова, пошла было за нами, но Хаджар остановила ее за руку, что она ей сказала, я уже не слышал из-за грохота сапог солдат.

Мои преданные четыре бойца знали что делать, план мы обсудили еще в шаттле. Я боялся, что Фахир раньше поймет, в чем дело и начнет сопротивляться еще на улице, но они оба уже настолько потеряли бдительность, что самостоятельно вошли в подвал.

Когда мы спускались в подвал по лестнице, Фахир подумал, что там уже сидит кто-то важный, и теперь я хочу показать его Фахиру и рассказать обо всем, но увидев пустую пыточную и открытые двери всех пяти камер в нем что-то шевельнулось.

Мы подошли к открытой двери одной из камер, когда Джалила всучила мне брыкающуюся дочь, устав удерживать ее на руках. С самого момента моего прилета Хаят тянула ко мне

ручки и издавала требовательные звуки, и, очутившись в моих руках, она тут же прижала свою темную головку к моей щеке и одной ручкой взялась за бороду.

Я на секунду остановился, было очень необычно, я впервые держал на руках Хаят, зная, что она дочь Фахира, а не моя. Я смотрел на нее другими глазами, и все во мне было другое. Я не умилялся девочке, не целовал ее в ладошки, я даже не улыбался ей.

Переведя взгляд на Фахира, я увидел, как менялось выражение его лица. Я буквально поймал момент, когда он все понял. Я кивнул обступившим Фахира бойцам, и они схватили и заломали его. В ту же секунду я легко и пренебрежительно, одной рукой втолкнул Джалилу в камеру, на пороге которой она стояла, и закрыл дверь, замок защелкивался автоматически. Я даже не взглянул на жену.

Фахир ничего не сказал, больше я не услышу от него ни единого слова до самой его смерти. Но Джалила начала вопить, не понимая, что происходит.

— Хабиб, что ты делаешь? Выпусти меня отсюда, — кричала она. Я не отвечал, и она начала бить в дверь. — Хабиб! Что происходит? Объясни!

Хаят растерялась от шума и слипшегося в воздухе напряжения и заплакала, пряча головку на моей шее.

— Спроси у своего любовника, — спокойно ответил я жене, и вышел.

Поднявшись наверх, я услышал шум подъезжающих машин, их было много.

— Аллах, спасибо, за то, что дал мне время, и я все успел, — тихо сказал я, и Хаят в моих руках пошевелилась. Я и забыл о ней, погрузившись в свои мысли, а Хаят сидела смирно, что бывало очень редко. — Хаджар! — крикнул я, и она тут же вышла из двери дома, как будто стояла за ней и ждала моего зова.

— Давай ее сюда, — Хаджар протянула руки, и забрала девочку.

— Ты будто мысли мои читаешь. Спасибо. А где Захра?

— Была на кухне, я не смогла уговорить ее остаться в комнате, и заставить не могу, она ведь моя госпожа.

Я хотел сказать, чтобы Хаджар удерживала Захру на кухне как можно дольше, но не успел, моя умная жена вышла на улицу. Секундой позже ворота открылись, и во двор въехали шесть машин набитые стариками. Все они постепенно вышли, и мы учтиво поклонились друг другу.

— Хабиб, до нас дошли очень неприятные слухи, нужно серьезно поговорить, — сказал Иса. Он был самым старым членом совета и очень уважаемым, его мнение и слово были на особом счету. Старик был действительно мудрым и заслуживал выказываемого ему почтения.

— Конечно, прошу в чайную, — я указал рукой в сторону кухни, и глянул на старую служанку, — Хаджар, распорядись принести чай и угощение моим гостям.

Все старейшины как заколдованные смотрели в сторону Хаджар, точнее на Хаят в ее руках. Не планировал я так, хотел оставить Хаят с Джалилой, дабы не травмировать Захру лишний раз, но уже все вышло, как вышло.

Захра подошла к Хаджар и хотела забрать у нее Хаят, но Хаджар отстранилась от Захры, а потом кинула взгляд на меня. Тогда моя жена медленно, как будто еще раздумывая, настаивать ли на своем, повернулась ко мне с вопросительным выражением лица. Мое же лицо было неподвижным и суровым, тогда Захра опустила руки и прекратила попытки забрать Хаят. За всем этим немым разговором следили старейшины, и видимо им понравилось то, что они увидели.

Моя бедная Захра, она не знала, что случилось, что происходит, но понимала, что что-то очень серьезное, и спорить со мной даже молча сейчас совсем не нужно. Хотелось ей все объяснить, но я не мог. Я мог лишь не отсылать ее и позволить тихо в сторонке послушать разговор со старейшинами. Я намеренно пригласил их для беседы в чайную, а не в конференц-зал,

мне хотелось, чтобы служанки подслушали и разнесли новость как можно скорее. Хотелось не тянуть с этим, все равно рано или поздно все всё узнают, джинна не засунешь назад в бутылку.

Хаджар, которая тоже практически ничего не знала, стояла как вкопанная под гнетущим взглядом стариков и не понимала, почему они с неприязнью таращатся на нее. Инстинктивно она прикрыла головку Хаят, как бы пытаясь спрятать от недовольных и вместе с тем любопытных взглядов. А потом развернулась, и быстро пошла в сторону кухни, как будто спасаясь бегством, сама не ведая от чего.

Я думал, что старики накинутся на меня прямо во дворе, не дожидаясь пока за ними закроются ворота. Но они тоже не были глупцами, иначе им нечего было бы делать в совете. Они поняли, что я знаю причину их визита, и что готов решить проблему. Они степенно расселись в чайной, дождались, пока принесут чай со сладостями, и только тогда начали допрос. Иса вел разговор, видимо ему поручили это нелегкое дело.

— Хабиб, сегодня утром мне прислали вот такое видео, — Иса достал из кармана телефон, и я удивился тому, что он у него вообще есть. — Сразу хочу сказать, что сейчас мы лишь хотим получить ясность, потому что вполне возможно, это видео обман, ведь его записал и прислал мне сам Ежов.

Иса внимательно посмотрел на меня, не увидел на моем лице и капли удивления, и понял, что это видео не шутка. Он вздохнул, разблокировал телефон, положил его передо мной на столик и запустил видео. Телефон автоматически переводил нам видео на фарси.

«Достопочтенные старейшины самой отвратительной террористической группировки в двух мирах, у меня есть к вам вопрос: почему вашей псевдостраной управляет рогоносец, воспитывающий ублюдка своей второй жены? Вы претендуете на статус отдельной страны, и неустанно подаете заявки в различного рода союзы. Это с таким-то лидером вы хотите, чтобы вас воспринимали всерьез? Я буду ожидать ответов, и через два часа повторю свой вопрос на Первом общемировом канале».

Ежов выглядел счастливым и безмятежным. Я заметил на его белоснежной рубашке под пиджаком маленькую капельку крови, и понял, что он присутствовал на пытках Газира. А может и сам лично его пытал. Он выжидал около двух недель, вот это выдержка у человека! Согласовал точное время доставки мне посылки, и только тогда отправил Исе видео. Чего он ждал столько времени, почему сразу же не пустил в дело свой коварный план?

— Есть ли тебе что сказать нам по этому поводу? — спокойно спросил Иса.

Я кивнул головой и формулировал ответ. Повисла тишина, и среди этой тишины я услышал шелест платья, это Захра медленно спустилась по стенке на пол. Я не шелохнулся, и кто-то из подслушивающих служанок подал ей табурет.

— Да, у меня есть для вас и для Халифата ответ. Совсем недавно я узнал слух, что моя вторая жена Джалила грешит с моим телохранителем. Я поручил Газиру узнать всю достоверную информацию по этому поводу, и несколько часов назад получил посылку от Ежова — отрезанную голову Газира. К сожалению, эти слухи оказались верны. Могу вас заверить, что предатели получат по заслугам.

— Но Хабиб, как такое могло произойти? Скажи, как посмела она так согрешить? Уж не думает ли она, что вышла замуж за простачка и тупицу? Если так, то это очень плохо для Халифата. Это недопустимо, ты и сам должен это понимать. И как бы ни было прискорбно, но Ежов, получается, прав?

Сначала я хотел говорить им все, как есть, но после просмотра этого десятисекундного видео понял, что они не знают нюансов, и решил немного соврать.

— Думаю, что у Джалилы было не совсем хорошо с головой, и горе, которое произошло с ней по вине ИГИЛа, подкосило ее разум. Сейчас поясню, почему я так думаю. До того, как Газир покинул нас, он успел передать мне найденную информацию о них обоих.

Я рассказал им краткую историю Джалилы, сказал о том, что Фахир намеренно пробрался в мой дом, и соврал, что они были знакомы еще до того, как очутились здесь.

— В своем отчете Газир утверждал, — продолжал я, — что Россия намеренно подослала Фахира в мой дом, что ему дали задание совратить одну из моих жен и сделать ее своей любовницей. Я с полной уверенностью заявляю, что во всем виновата Россия! Они всегда стремятся опозорить меня и опорочить мою честь и честь Халифата! Фахир увидел в Джалиле легкую добычу и добился своего, так как у нее было не очень хорошо с головой, она поддалась. Да, это случилось, только умалишенные могут пойти на такую глупость — уверенно закончил я, — но даже при всех обстоятельствах это не сойдет им с рук.

— Как же ты хочешь наказать их?

— Как предписывает Аллах, по закону шариата.

Иса изменился в лице, видимо он не ожидал такого зверства, но все же решил уточнить:

— Неужели ты хочешь вернуть этот варварский способ?

— А что, Аллах придумал какое-то новое наказание за измену? — строго спросил я, повысив голос, показывая этим, что не боюсь их, и власть свою не намерен отдавать. — Я что-то пропустил, и у Корана вышло обновление?

— Нет Хабиб. Твоя воля, как наказывать жену. Но вот твой охранник, он ведь не женат, а потому не подходит под наказание за измену, и ему положены лишь удары кнутом, а не смертная казнь. К тому же нужны четыре свидетеля их прелюбодеяния. Не подумай, что я учу тебя жить и править, но это касается политики нашего государства. Россия и Объединенная Европа и так извращает писание и слово Аллаха, говоря, что мы живем не по шариату, и неверно толкуем Коран. Я боюсь, что они и это припишут к нашей религии и выставят нас еще большими монстрами.

— Ты прав, Фахиру не положена смертная казнь, но он российский разведчик, пришедший в мой дом, чтобы подкосить нас, ослабить Халифат через меня, его лидера, это и есть повод для казни. Ежов знал, что обнародовав эту информацию, он подпишет Фахиру смертный приговор. Что до свидетелей..

Правда застряла у меня в горле, я и не думал, что сказать о том, что Хаят дочь Фахира будет так сложно. Молчание затянулось, и я уже собрался с силами и даже открыл рот, как из темного угла чайной послышался тихий голос Захры:

— Хаят, — спокойно сказала она, — кто ее отец?

— Фахир, — с тем же спокойствием ответил я, и был благодарен моей маленькой жене.

— Служит ли это, старейшины, прямым доказательством прелюбодеяния? Я лишь женщина, и могу в чем-то ошибаться.

— Да госпожа, этого доказательства достаточно. Хабиб, скажи, есть ли у тебя документальное подтверждение тому, что принцесса не твоя дочь?

Я кивнул головой, и снова повисла тишина. Я посмотрел в сторону Захры, она была собрана, а я ожидал истерики. Молчали и старики, хотя шли сюда разносить меня и возможно даже убить.

Иса снова разорвал тишину:

— В Коране упоминается два способа казни, это сто ударов кнутом и забивание камнями. Какой способ ты выбрал?

— Второй, — четко сказал я, высоко подняв голову. — По Корану наказание должно быть публичным, и я выбрал самое публичное и актуальное для этого место. Мы проведем казнь на новом стадионе Гази².

Повисла густая тишина, старики даже дышать стали через раз. Время текло словно густой кисель, а потом и вовсе остановилось. Я не прерывал тишины и мыслей стариков, пусть хорошо подумают, прежде чем пугать меня смещением с должности.

Иса снова прервал тишину, видимо, решив закончить этот разговор и убраться подальше из моего дома.

— Хабиб, Ежов требует от нас ответа, и нам скоро нужно его дать.

— Кто он такой, чтобы что-то требовать от нас?! — взорвался я, и понял, что старики уже слабы не только телами, но и духом. Да они развалят Халифат без меня!

— Он сделает заявление на Первом общемировом канале, и выставит все так, как захочет сам. Без опровержения мы будем казаться слабыми.

Гнев рывком поднял меня с топчана и ударил в голову фонтаном адреналина. Глаза заливало желание убивать, и я навис над Исой.

— Никто не смеет ставить условия мне! Ты хорошо слышишь меня, старик? Ежов мне не хозяин, и тебе тоже, запомни это! Я никому не буду отчитываться, пока я у власти, и никто мне не указ, кроме Аллаха! — я сжал ладони в кулаки, чтобы не задушить Ису на месте за одни только подобные мысли. Капельки слюны из моего рта летели в лицо старику, но он боялся даже шелохнуться, не то, что ответить мне.

Когда гнев стих настолько, что я смог выдохнуть, я медленно разогнулся и перестал нависать на сжавшимся в комочек Исой.

— Я понял тебя Хабиб, — с достоинством ответил он, — ты сам знаешь, как лучше поступить.

Старики как по команде поднялись и заторопились к выходу.

— Ежов получит свой ответ, — кинул я вслед Исе, — казнь будет транслироваться в прямом эфире.

Захра

Девять лет я воспринимала все это нормально, я просто принимала все беды, что посылал мне Аллах, считала, что через мужа я несу свою судьбу, и расплачиваюсь за его грехи. Сейчас во мне что-то надломилось, наверное, это треснула моя слепая вера. Эта трещина очень мала, но если продолжать давить на нее, то она пойдет дальше.

В опустошении и полном непонимании того, что сегодня произошло, и что вообще происходило со мной все последние годы, я сидела на кровати. В голове были пустота и тяжесть одновременно. Ничего не хотелось.

В комнату вошел муж. Он медленно подошел к кровати, и смотрел на меня слегка заискивающе, как нашкодивший пес, желая понять, насколько хозяин сердит, и простил ли он его уже, или еще придется походить с опущенными ушами. Он сел на пол у моих ног, взял мои руки в свои и начал целовать ладони. В нем было много слов, я чувствовала это, но пока он молчал. Так мы и сидели несколько минут, он молча целовал мои ладони, а я не отдергивала рук. Но потом он все же нарушил молчание.

² Стадион Гази — многоцелевой стадион в Кабуле. В конце 1990-х годов во времена первого правления Талибана на стадионе проводили публичные казни. Обычно казни проводили перед матчем или в штрафной. На поле стадиона ворам отрубали руки и ноги, затем вывешивали отрубленные части тел на воротах. За супружескую измену наносили 100 ударов плетью, расстреливали или забивали камнями. Основанием для казни могло быть простое подозрение в преступлении. От количества пролитой крови на поле стадиона перестал расти газон. В 2000-х годах газон восстановили, для этого пришлось снимать грунт до полуметра толщиной.

— Я не прошу прощения, потому что невозможно простить такое. Невозможно простить все то, что ты пережила из-за меня за все годы брака. Мне очень хочется сказать, что так надо, и по-другому нельзя, но я понимаю, что для тебя это лишь пустой звук. Мне хотелось бы знать те слова, которые смогут хоть немного утешить тебя, но я их не знаю. Я люблю тебя больше всего на свете, и все, что я буду делать дальше, будет для твоего спасения. Я буду жить надеждой, что ты когда-нибудь поймешь это, и не надеюсь на прощение.

— Аллах услышал твои надежды, потому что я понимаю. Я сама этому удивлена, но я даже прощаю тебя.

Хабиб поднял на меня удивленные глаза.

— Любовь моя, может, ты не совсем понимаешь, что мне придется сделать? Хаят, — он замолчал, не решаясь произнести эти страшные слова вслух.

— Ее тоже придется казнить, я понимаю это. И понимаю необходимость того, что ты должен сделать. Но скажи, если бы мы были простыми людьми, смог бы ты простить их троих и отпустить без наказания? Если бы я об этом умоляла, смог бы?

— Джалилу и Хаят да, но не Фахира, — ответил муж не задумываясь, видимо он много размышлял над этим во время своего отсутствия. Наверное, поэтому он и уехал.

— Я знала, — я поцеловала его в макушку, — эта излишняя жестокость только из-за политики, правда ведь?

Хабиб кивал головой в знак согласия, но мне кажется, что толком он и сам не знал.

— Казнь будет послезавтра. Я не настаиваю на твоём присутствии, хотя этого требуют старейшины.

— Мы придем туда вместе, — уверенно ответила я.

— Почему? Скажи, почему ты так адекватно все это воспринимаешь? Я ожидал от тебя совсем другой реакции, и я понял бы любую твою истерику, любые действия. Я даже сказал Хаджар, чтобы она не помогала тебе, потому что считал, что ты попытаешься помочь Джалиле сбежать вместе с Хаят. Почему ты так нормально на все это реагируешь?

— Я прожила с тобой под одной крышей почти пятнадцать лет, хаяти, поверь, за эти годы я волей-неволей начала разбираться в политике. Я осознаю, что вся эта ситуация ставит под вопрос не просто твоё правление, а наши жизни, проще всего нас просто убить. Вся эта излишняя жестокость нужна для того, чтобы показать силу, умение выходить из разных сложностей и решать любые проблемы. Это и есть работа халифа.

Я осознаю, что нельзя оставлять Хаят, потому что она живой символ твоей глупости и слабости как халифа и мужа, как мужчины. Мне больно, очень больно, ведь она *моя дочь* Хабиб, но может за такую жертву Аллах даст нам своего ребенка. Я уже не знаю, во что верить, и как дальше жить.

Слезы неожиданным потоком полились из глаз, они струились по щекам и падали на голову мужа, лежащую на моих коленях. Он так крепко сжимал меня, что было больно, я плакала и от этого. Я плакала от всего, как будто впервые за всю свою жизнь мне стало жаль себя. Так жаль!

Хабиб сжимал меня, чтобы не заплакать самому. Я знаю, что ему тяжело все это, у него есть много причин для гнева и слез. Предательство друга, измена жены, утрата дочери, страх потерять власть и наши жизни, мою жизнь больше, я это знаю. Он наконец расслабился и чувствовал себя свободно, в кругу родных и друзей, а оказался в кругу волков.

Я обняла мужа, как только могла сильно, и зарыдала в желании умереть. Хабиб тоже плакал. Сколько горя приносит нам эта жизнь, но я знала за кого выхожу замуж, знала и вышла.

Прошло пять лет с того момента, как меня отдали служить в дом Хабиба, говорили, что это почетно, любой слуга в доме халифа на голову выше любого другого. Но я всегда видела в Хабибе большую печаль и тяжесть на его плечах. Он так горевал из-за смерти отца, и думал,

что не готов править Халифатом. Я всегда видела в нем простого человека, а не всемогущего правителя ИГИЛ, потому и относилась к нему иначе, чем другие, я была добрее.

Старейшины наседали на Хабиба все чаще, требовали, чтобы он женился и родил наследников, а он упирался сколько мог.

Помню, как много лет назад подслушала его разговор с Файзелом:

— Просто женись уже, и они от тебя отстанут, — говорил он.

— Просто женись... все у вас просто. Для меня это не так. После жизни в Европе мои взгляды на некоторые вещи изменились, и можешь ругать меня, но их видение брака для меня ближе. Не хочу я просто так жениться, потому что так положено, хочу родную душу держать за руку, и любить ее хочу.

— Любовь рождается в браке, — парировал Файзел.

— Ты хоть веришь в эти слова, брат? Они все так говорят, не задумываясь даже над смыслом этих слов, просто повторяют за отцами и дедами.

— Не знаю я во что верить, для меня все эти любовные дела не так важны.

— Зря, — сказал Хабиб, — жена это не просто женщина при тебе, это твоя семья, твоя забота и твоя ответственность. Одному тяжело, а вдвоем вы делите все пополам, и счастье и горе. Жена твой друг, мать твоих детей, твоя муза и хозяйка в доме. Какая жена, такой и дом. У неверных семья это равноправный союз. Союз, понимаешь, а не просто ритуал. У нас с тобой союз, братский и дружеский, мы оба друг друга выбрали, и живем в дружбе и доверии, в близости. Это союз.

— Красиво говоришь, только где найти тебе такую девушку?

Я увидела, как Хабиб загадочно и влюблено улыбнулся.

— Есть одна такая, я ее пока не люблю, а лишь влюблен в нее. Но старики будут против такого союза, она мне совсем не ровня.

— Кому, тебе-то, козопас? — Файзел рассмеялся, они всегда друг над другом подтрунивали и в шутку обзывались.

— Я уже давно не козопас, дурак ты, — Хабиб рассмеялся и толкнул друга в плечо.

— А что же ты молчал? Выкладывай, давай, кто украл твое сердце? Надеюсь, не местная шлюха? Такую невесту старики точно не оценят!

— Нет, глупый! Какие еще шлюхи? Я скажу, но это секрет, никто не должен знать, а то меня засмеют.

— Обещаю оставаться серьезным как рыба на дне пруда!

Хабиб осмотрелся вокруг, и я быстро шмыгнула за плотную штору, рядом с которой пряталась. Он сузил глаза, и на всякий случай поманил Файзела пальцем. Тот придвинулся близко к Хабибу, и он шепнул ему что-то на ухо. После услышанного Файзел выглядел озадаченным.

— Она же совсем еще ребенок, друг. В Европе на таких маленьких не женятся, да и у нас тоже отошла эта традиция. Ты ее на целую жизнь старше. Хотя, ты ведь еще не стар, тебе всего двадцать девять. — Файзел сидел задумчивый, а потом поскреб бороду и все же сказал: — знаешь, женись на ней, если хочешь, если она для тебя так важна, если она подходит под эти твои критерии европейской любви и их союзов. Поставь старикам ультиматум, мол, или она, или никто. — Файзел глянул на Хабиба и улыбнулся, — Скажи им: «если не разрешите мне на ней жениться, то я так и умру девственником». — Файзел рассмеялся и вскочил с дивана, на котором сидел, уворачиваясь от удара друга.

— А может ты и прав, — ответил Хабиб после того, как все же поймал Файзела и отвесил ему тумака. — Они подчинятся, если я поставлю условие. И вообще, не халиф я что ли?

Я бежала со всех ног на кухню, поделиться с другими служанками свежей сплетней, да еще и такой важной — господин женится! Спустя пару часов об этом уже знала вся округа. Но кто же невеста? От любопытства у меня горели уши.

Молодая и ему не ровня, она что платок не носит, или тяжело работает, отчего руки ее загрубели? А может она неграмотная, и не умеет читать и писать? А может родители ее несут на себе какой-то страшный грех, который ложиться и на всю семью? Эти думы не шли у меня из головы, и к вечеру я перебрала всех молоденьких и недостойных господина девушек в городе.

Вместе с тем я почувствовала странную грусть и пустоту в сердце. Я могла мечтать о господине сколько угодно, но когда в доме появится молодая жена, мне придется расстаться со своими иллюзиями. Я знаю, что Хабиб не возьмет второй жены, ведь на семью у него европейские взгляды. Хотя мне-то и мечтать о господине даже смешно, куда я ему? Я мала, недостойна, не очень-то красива, не знаю толком Коран, я и читать не умею. Я не достойна даже чай ему подавать и готовить для него пищу, не то что... между нами целые вселенные.

Я уже отчаялась разгадать эту тайну, когда Хаджар сказала, что Иса пришел к Хабибу, и велела подать им чай со сладостями. Наверное, будут обсуждать невесту, решила я, и, спотыкаясь и расплескивая чай, понеслась к Хабибу. Сейчас я подслушаю их разговор, и узнаю обо всем первая!

Я остановилась за несколько метров до входа в гостиную, отдышалась, заправила в платок выбившуюся прядь волос, и со скучающим видом отодвинула декоративную штору, отгораживающую вход в зал, где Хабиб принимал гостей.

В зале стояла тишина, хотя обычно Хабиб не прерывает разговора при служанках. Я поставила поднос на столик, налила в стаканы чай. Все время я чувствовала на себе пытливые взгляды мужчин, и чувствовала себя неуютно. Хотелось убраться подальше, да поскорее, и даже забыла о том, что хотела подслушать их разговор.

Когда я подняла глаза на мужчин, то увидела, что Иса с интересом рассматривает меня, а Хабиб хитро улыбается. Обычно я уходила, не дожидаясь, пока меня отпустят, но сейчас они смотрели на меня, и я не могла просто уйти.

Эти разглядывания меня затянулись, и я уже успела с ног до головы залиться краской, кажется, даже голова начала кружиться. Не выдержав напряжения, я решила прервать тишину.

— Я могу идти, господин? — спросила я, глядя на Хабиба.

— Прошу, присядь, — вдруг сказал Иса, — мы хотим с тобой поговорить.

— Я чем-то разгневала господина? — в страхе спросила я. Хаджар говорила, что за мой длинный язык и нос рано или поздно я буду наказана.

— Нет, все хорошо, — мягко и дружелюбно ответил Иса, — присядь.

Я повиновалась, и неуклюже, каменной глыбой рухнула на диван позади меня.

— Тебя зовут Захра, правильно? — уточнил Иса, и я кивнула лиловой головой. — Захра, я думаю, ты уже знаешь весть, которую разнесли служанки этого дома, о том, что Хабиб женится, — я снова кивнула головой.

Это ведь я разнесла эту сплетню! Меня точно высекут! Я буквально почувствовала, как кровь отлила от лица, и румянец сменился мертвенной бледностью.

— Только вот служанки не уточнили, на ком именно женится Хабиб, — продолжал старик. — Дело в том, что Хабиб только думал о свадьбе с определенной девушкой, и не знал, как на ее кандидатуру отреагирует совет, да и согласится ли она сама выйти замуж за нашего халифа. Как бы ни была почетна для нее эта партия, Хабиб хочет жить в любви со своей женой, и хочет знать, что девушка идет за него замуж не из долга или чести, а по велению сердца.

А я-то здесь при чем? Зачем он вообще мне все это говорит? Господи, я что, спугнула невесту? Меня точно высекут, хорошо, если язык оставят.

— Захра, — сказал Хабиб, и я перевела на него испуганные грядущим наказанием глаза, — девушка, на которой я хотел бы жениться — ты, я испытываю к тебе очень нежные чувства, и знаю, что могу быть уверен в тебе, могу положиться на тебя. Мне кажется, что и ты ко мне не равнодушна, скажи, если я ошибаюсь.

Чего?

Повтори еще раз!
Меня не высекут?

До меня начал доходить смысл сказанных Хабибом слов, и я заморгала глазами, а рот приоткрылся в удивлении. Меня бросило в жар, и я почему-то резко вскочила с дивана. Лицо Хабиба покрыла темная туча.

— Я ошибся, — сказал он, склонив глаза к полу, — ты просто добрая девочка, и всем готова помочь. Прости, я принял это за особое, романтическое внимание ко мне.

— Нет, господин! — вырвалось из меня, — вы не ошиблись, я... ваши чувства взаимны! Я, я... мне это не снится? Вы не можете хотеть жениться на мне. Да кто я такая? Я же безграмотная сирота, деревенщина, я... не достойна вас.

Я вдруг расплакалась. Стояла возле дивана и молча, не шевелясь, заливала слезами ворот платья. Все мои мечты о том, что господин женится на мне, и мы будем с ним очень счастливы, были настолько иллюзорными, настолько несбыточными. Он был для меня как герой кино, которых не существует. А тут он вдруг материализовался и говорит, что хочет жениться на мне. Так ведь не бывает.

— Если это шутка, господин, то не надо так смеяться надо мной, Аллах вас покарает.

Хабиб рассмеялся.

— Видишь Иса, она меня не боится. Все вот так в лоб говорит, это ли не чудо? Она такая искренняя во всем. Я знаю, что она меня не предаст.

Хабиб встал, подошел ко мне и нежно обнял.

— Почему же ты тогда плачешь, если чувства наши взаимны? — спросил он, и заглянул мне в глаза.

— Потому что боюсь проснуться. Так ведь не бывает, и может быть только во сне.

— Нет, мы не спим, — Хабиб улыбнулся. — Так, что скажешь, хотела бы ты выйти за меня замуж?

Я кивала головой, а Хабиб вытирал мои слезы и улыбался. Я смотрела на него с надеждой и приоткрытыми губами. Я видела, как он смотрел на них, ему хотелось меня поцеловать, но до свадьбы ведь нельзя.

Хабиб обернулся к Исе и сказал:

— Невеста не против свадьбы, осталось решение за советом.

— Да какое там решение, — улыбнулся старик, — думаю, что любовь уже все решила за нас. Да и уже весь Халифат решил, что ты женишься, вот уж испорченный телефон, так что не будем разочаровывать людей. А что до того, что Захра ниже тебя по статусу, так ты и сам не родился халифом. Кто мы, старики, такие, чтобы препятствовать вашему счастью? Счастливый халиф — счастливый Халифат.

— Ты глупая маленькая дурочка, — сказала Хаджар, когда я вернулась на кухню, и рассказала ей о том, что невеста господина, оказывается, я. — Ты не знаешь, на что подписываешься, и Хабиба не знаешь.

— Я знаю его! — горячо ответила я, — и никакая я не маленькая, мне уже почти пятнадцать лет.

— Ничего ты не знаешь, — осекла меня Хаджар, — сядь, замолчи и слушай! Хабиб жесток, беспощаден и неумолим, а еще хитер, очень умен и амбициозен. Если бы не излучение Геи, он залил бы кровью оба мира. Ум и жестокость — страшное сочетание.

— Зачем ты наговариваешь на господина? Он не жесток, — уже не так уверенно сказала я.

— Ты ведь знаешь, чем живет ИГИЛ? Откуда берет деньги? Чем руководствуется? Как набирает армию? Все ведь знаешь?

— Знаю. Это все действительно очень жестоко. Но Хабиб ведь сам ничего не делает, он только отдает распоряжения.

— Глупая маленькая дурочка, — повторила Хаджар.

— Слуги знают обо всем, что происходит в хозяйском доме, — я понизила голос до шепота, — и даже то, что происходит в хозяйской постели. Ничего я такого не видела.

— Ты не видела, потому что я не давала. Я оберегаю всех вас, вы, маленькие, все мои дети, как и сам Хабиб. Я вырастила вас, и заменила вам матерей, а хорошая мать всегда оберегает своих детей. И я Хабиба берегла от Назри, сколько могла. — Хаджар тяжело села на тюфяк рядом со мной, и мое сердце почему-то сжалось, как будто в предчувствии чего-то плохого или страшного. — Ты была во всех комнатах этого дома?

— Конечно, — с полной уверенностью ответила я.

— Тогда ты должна знать, что здесь два подвала.

— Нет, здесь один подвал, кладовая провизии под кухней, — я легонько постучала ногой по полу, как бы показывая, что подвал тут, прямо под нами.

— Это здесь, в левом крыле. Но есть подвал еще и в правом крыле, там тюрьма и пыточная, и Хабиб сам лично часто там бывает. И сам, — Хаджар запнулась, подбирая более мягкие слова, — сам задает вопросы. Ты знаешь об этом?

— Нет, — растеряно ответила я.

Повисло молчание, Хаджар дала мне время переварить услышанное. И я переваривала. Даже если и так, меня ведь он любит, какая разница как он жесток к другим, ко мне ведь он всегда добр и нежен.

— Пусть так, — сказала я, — пусть это правда, но как это касается меня и моего будущего? Ты сказала, что я не знаю, на что подписываюсь, так Расскажи мне. Что такого дурного может меня ожидать?

— Всё. Всё, что ожидает Хабиба, будет ожидать и тебя. Жена делит жизнь своего мужа. Став женой, ты будешь знать почти все, и будешь во все втянута. Ты будешь расплачиваться за грехи мужа. Ты станешь такой же мишенью, как и он сам, а может и больше. Это политика, девочка, — сказала Хаджар, погладив меня по руке, — она кровожадна и безжалостна. Политика всех перемалывает в прах, не разбирая, кто есть кто. Тебя ждет тяжелая судьба, если ты выйдешь за него замуж. Ты будешь под прицелом, твои дети будут под прицелом. Вся твоя жизнь превратится в политический фарс, и на первом месте всегда будут стоять нужды Халифата, а потом уже твои. А если ты в какой-то момент устанешь от всего этого, и захочешь закончить, то развода ты не получишь, потому что слишком много знаешь. Если ты захочешь уйти, то уйдешь только в могилу. Политика это мафия, дочка. Так что подумай хорошо об этом. Я и Хабибу скажу, чтобы он не втягивал тебя, если любит.

— Нет! Я хочу за него замуж. Я так люблю его!

— Глупая маленькая дурочка, — сказала Хаджар, встала с тюфяка и медленно вышла из кухни, оставив меня с маленьким зернышком сомнения.

Я и вправду была глупой маленькой дурочкой, которой любовь застелила глаза. Иллюзии в моей голове плотно заменили мне реальность, я не желала видеть этой реальности. В моих глазах Хабиб был большим и сильным, строгим, но справедливым, добрым к немощным, и жестоким лишь к тем, кто этого заслуживал.

Я видела его просто человеком, а не халифом, человеком, который скорбит по умершему отцу, который боится принять неверное решение, и это отразится на Халифате. Я видела его и веселым, славно танцующим на праздниках. Видела его красивым, моим арабским принцем, и по ночам мечтала о его поцелуях.

Хаджар предупреждала меня, но я была слепа и глуха. Даже когда увидела, не захотела верить собственным глазам. Следующим днем Хаджар отвела меня во второй подвал. Сказала, что несколько дней назад поймали израильского разведчика.

Помещение было полностью отделано звукоизоляционными панелями, поэтому я не слышала оттуда ни шороха. Как только мы спустились вниз, меня сковал ужас от нечеловеческих криков. Но издавал их все-таки человек. Я инстинктивно остановилась, но Хаджар крепко взяла меня за руку и потащила вглубь подвала.

Хабиб задавал вопросы. Кандура³ уже грязно-бордовая, а не белая, рукава закатаны, в правой руке короткий изогнутый кинжал, кровь с него падает большими, почти черными каплями на пол, в багряную лужицу. Вся ладонь Хабиба выпачкана свежей кровью, будто рука его побывала в человеческом нутре. Но страшнее всего был его взгляд, его глаза.

Это был не мой принц, не мой Хабиб. Какое-то чудовище поселилось внутри него, и все, чего оно хотело, это истязать и убивать. Я не видела в своей жизни существа злее него. На миг я потеряла самообладание и вскрикнула, когда Хабиб медленно, словно нарезаая хлеб к завтраку, отрезал ухо своего пленника, а потом так же медленно положил его себе в рот, прожевал и проглотил.

Чудовище обернулось на мой вскрик. Лицо исполосовано кровавыми подтеками, глаза пожелтели от адреналина и сверкали холодным янтарем. Если взглядом можно было бы убить, то мы с Хаджар пали бы в ту же секунду.

— Уведи ее! — проревело чудовище, брызгая капельками крови и частицами съеденного уха.

Хаджар была спокойна и холодна. Она все так же крепко держала меня за руку и не двигалась с места. Внутри меня все оторопело, и единственной мыслью было — бежать, не оглядываясь. Хватка Хаджар была крепка, а Хабиб шаг за шагом приближался к нам.

— Ты оглохла?! Я сказал, уведи ее!

Мой жених схватил Хаджар за горло окровавленной рукой, крепко сжал его, а потом с силой отпихнул Хаджар. Старая служанка упала, пролетев несколько метров. Она не разомкнула руки, которой держала меня, и я упала верхом на Хаджар лицом вниз, попутно ударившись коленом об бетонный пол. От боли я вскрикнула, и не успела опомниться, как почувствовала, что меня кто-то схватил за шкурку, как котенка. Хорошо, что я мала и вешу не больше барашка, а то платье бы порвалось. Это был Хабиб, я поняла это по медному запаху крови и сбивчивому дыханию мне в шею. Сердце оторвалось и, путаясь в кишечнике, упало в самый низ меня, когда у уха я услышала рев чудовища:

— Уведи ее!

— Да сид, — спокойно сказала самостоятельно поднявшаяся на ноги Хаджар.

Она взяла меня за руку так же крепко, как и прежде, и не торопясь повела к лестнице наверх. Ужас, застывший во мне начал таять, высвобождаясь рыданиями. Крупная дрожь бежала по всему моему маленькому тельцу, но рука Хаджар была спокойная и теплая, как всегда.

— Ну что, все еще хочешь стать его женой? — устало спросила Хаджар.

Я ничего не ответила, потому что ответа не было. Однако было возмущение.

— Ты довольна? — сквозь слезы спросила я.

— Еще не совсем.

— Что ты задумала? — в страхе спросила я.

— Вечером узнаешь.

Я уже поняла, что действительно не знаю Хабиба так хорошо, как мне казалось, но Хаджар знала его как облупленного. Она знала, что будет вечером.

Мы с Хаджар накрывали на стол, когда в столовую пришел Хабиб, чистый и без чудовища внутри.

³ Кандура — традиционная арабская мужская одежда, длинная роба в виде платья-рубашки, которая свободно покрывает все тело от шеи до лодыжек.

— Прости меня, — сказал он, взяв старую служанку за руку, — я не хотел делать тебе больно. Тебе не следовало приводить Захру в подвал.

— А я думаю, что следовало. Она должна знать за кого собирается выйти замуж, а то у этой девочки одни иллюзии в голове, и мечты о счастье и тебе — принце.

Хабиб молчал, видимо он согласился с Хаджар.

— Прости меня, — повторил он, и провел пальцами по багровым следам на шее служанки, — я не смогу заснуть, зная, что ты не простила меня.

— Прощу, при одном условии. Отвези ее в сортировочный центр, тогда прощу, — губы Хабиба сжались в жесткую линию. — Если после увиденного там она не передумает выходить за тебя, то я больше не буду вмешиваться. — Хаджар помолчала, глядя теперь в карие глаза Хабиба, а потом мягко сказала: — Все вы мои дети, и я хочу, чтобы все вы остались живы и были счастливы. Если она сбежит, когда увидит всего тебя, то... ты сам все знаешь.

Хабиб кивнул головой, поцеловал Хаджар в щеку, меня в лоб и молча ушел.

Если и существует ад на земле, то это сортировочные центры ИГИЛа. Леденящее чувство ужаса не покидало меня ни на секунду, приподнимало волоски на всем теле и окутывало каждый инеем. Ужас сопровождали регулярные спазмы в желудке, хорошо, что Хаджар распорядилась не давать мне еды накануне вечером, и утром, в день отъезда в филиал ада. В моей маленькой голове не помещалось даже осознание того, что в нашем мире *такое* может существовать, не говоря о том, чтобы все это организовывал и поддерживал мой будущий муж.

Хабиб все время говорил о том, что никогда не причинит мне вреда, что будет оберегать от изнанки существования Халифата, что будет беречь меня, потому что любит, и сделает все, для моего счастья. Конечно, мне хотелось верить его словам, и я им поверила, закрыла глаза и раскрыла уши. Глупая маленькая дурочка знала за кого выходит замуж, и вышла, плотно зажав глаза.

Тем же вечером, когда Хабиб «арестовал» Фахира и Джалилу, на сайте Исламского вестника было размещено срочное объявление о том, что через день на новом стадионе Гази состоится казнь предателей Халифата. Явка всех, кто находится в пределах города, обязательна. Родителей, у которых есть дети старше пяти лет, обязывали взять их с собой.

Русский президент Ежов устроил целое шоу на Первом общемировом канале, он вел прямое включение, где поливал Халифат помоями. Он рассказывал о том, как неполноценен Хабиб, и о том, как их, русский разведчик поимел халифа и всю его страну, как зародил русское семя в самом сердце Халифата, в доме халифа, и с женой халифа.

«Ваша наследница, которую так долго ждал весь Халифат, дочь нашего, русского мужчины, с исламскими корнями».

Свое выступление Ежов подкреплял доказательствами — видеозаписями допроса Газира. Вероятно лицо Газира намеренно не трогали во время допроса, ведь русские не такие звери, как мы, и никаких пыток у них и быть не может.

Мы смотрели выступление Ежова вместе с Хабибом, он крепко держал меня за руку, и был эмоционально спокоен. Хабиб знал, что Ежов большой провокатор и манипулятор, а Хабиб вспыльчив, и разозлить его много трудов не требуется. Всем своим презрительным выступлением русский президент хотел вывести Хабиба на эмоции, но мой муж не поддавался.

«Они всех обязывают прийти на стадион Гази — отвратительное место! Место зверства талибов на Земле, а теперь и ИГИЛовцев⁴ на Гее. Чудовищные ритуалы казни доказывают

⁴ Здесь и далее: ИГИЛ — международная исламская суннитская джихадистская террористическая организация, запре-

лишь то, что все они звери, а не цивилизованные люди. Я еще раз подчеркну, что Россия отказывается вести какие-либо дела с животными, претендующими на звание человека!».

Ежов вещал еще много и долго, это было очень жесткое выступление, и если отойти от собственных эмоций и вовлеченности, то мы с Хабибом оценивали такой шаг на пять с плюсом. Главное не отвечать ему, не ввязываться в эту собачью грызню, а молча делать свои дела, и удерживать перед своим народом позиции, не сдавать их.

Мы с Хабибом уже были в постели, когда в дверь постучали, это был Амир. Его учили быть в курсе всего, следить за новостями и даже сплетнями, отделять зерна от плевел и делать выводы из большого количества разной и противоречивой информации.

Я не видела Амира с самого утра, но была уверена, что он первый узнал о том, что его мать заточили в тюрьме нашего дома. Я знала, что он не пытался навестить ее и поговорить с ней. Он видел призыв на казнь, и видел выступление Ежова. Прошло достаточно времени, чтобы он переосмыслил все, оценил, и сейчас он пришел без эмоций.

— Отец, у меня есть вопросы, в связи с последними событиями. Мы можем сейчас поговорить?

— Да Амир, — ласково ответил муж, — проходи, садись сюда, — Хабиб указал рукой на диванчик и сел рядом.

— Я не сомневаюсь в твоей справедливости, но все же хочу спросить лично. Скажи, моя мать действительно так грешна? И Хаят, это правда, что она не от тебя?

Наша комната была разделена как бы на две части деревянной панелью с резными арабесками, она отделяла спальную часть с кроватью, от гостиной части комнаты. Мне показалось, что я не должна присутствовать при этом разговоре, несмотря на то, что Амир меня не видит. Я встала с постели, накинула халат с капюшоном и тихо прошла к двери.

— Тетушка, прошу тебя, останься, — уверенно сказал Амир, — это касается нас всех.

Я смотрела на Амира, этому мальчику всего десять лет, а он уже такой мудрый и взрослый. Он рассуждает как взрослый, и говорит взрослыми словами. Но если присмотреться, то внутри этого паренька сидит растерянный мальчик, который не понимает, что произошло, и почему его мать так поступила. Он еще слишком мал, чтобы все понять, какими бы взрослыми ни были его речи.

— Да, все это, к сожалению, правда, — ответил Хабиб, — но все же твою мать кое-что оправдывает. Ты ведь помнишь, из-за чего попал в военный лагерь?

Амир вдруг растерянно заморгал. Его лицо стало думать и вспоминать. Мы не торопили его. Спустя пару минут он отрицательно покачал головой.

— Все, что я помню в своей жизни, это военный лагерь, а то, что было до него, не помню. Когда мне сказали, что моя мать вышла замуж за халифа, и теперь он забирает меня к себе в дом, я долго вспоминал, как выглядит моя мать, но так и не вспомнил. Потом, когда меня привезли сюда, и я впервые увидел ее, тогда вспомнил, но не события, а ее, какая она ласковая, ее запах, ее мягкие черные волосы, ее любовь. Я вспомнил, что она многое для меня сделала, но что именно не знал. Еще я помнил, что она меня бросила, но тоже не знал почему, и не задавал вопросов. Я был счастлив снова быть вместе, и все. — Амир посмотрел на Хабиба удивленными глазами, — отец, я ничего не помню до лагеря, разве это нормально? Наверное, мне нужен врач.

— Все, что ты пережил до лагеря, да и в нем тоже, дало большой стресс для твоей психики, а наш мозг так устроен, что он может скрывать от нас воспоминания, чтобы они не причиняли боли.

— Прошу, расскажи, что случилось такого, что могло бы оправдывать мою мать, и что было со мной до лагеря.

— Твой отец поступил на службу Халифата, но вскоре его убили наши враги, об этом она сразу нам всем рассказала, но умолчала о другом. Твоя мать обратилась за помощью в одну из социальных служб, а вместо помощи вас с ней отправили в сортировочный центр. — Хабиб замолчал, и дал время Амиру переварить это и выплеснуть эмоции. Однако на лице Амира не дрогнул ни один мускул, и он не увидел в этом вопиющей несправедливости.

Амир уставился на Хабиба.

— И что было дальше? Что оправдывает грехи моей матери?

— Это и оправдывает, — спокойно, но с долей удивления ответил муж. — Ей удалось сбежать из сортировочного центра вместе с тобой. Вы добрались до города, но у вас не было ничего, никаких средств к существованию. Хозяин одного нашего борделя согласился взять ее на работу служанкой, но без тебя. Он предложил отдать тебя в военный лагерь, сказал, что сам тебя отвезет, у нее не было другого выбора, и она согласилась.

— Мать была шлюхой? — с отвращением спросил Амир.

— Нет, она была служанкой, убирала комнаты, стирала белье, готовила. Она отказалась обслуживать мужчин, из-за этого хозяин борделя и выгнал ее. Она снова осталась на улице, но теперь она лишилась и тебя, своего единственного ребенка. — Хабиб смотрел на Амира, и в его глазах был лишь интерес к тому, что было дальше, ведь он так и не получил ответа на свой вопрос — что же оправдывает его мать? — По воле случая она встретила Абдуллу. За его защиту и заботу ей пришлось стать ему незаконной женой. Позже я отправил Абдуллу на Землю, но он не захотел брать Джалилу с собой. У него хватило ума хоть как-то позаботиться о ее будущем, и он решил устроить ее служанкой в мой дом.

По очередной воле случая Абдулла встретил Захру, и именно она решила, что Джалила станет моей второй женой. Ты уже достаточно взрослый, и уверен, знаешь о нашей с Захрой проблеме, мы пока не можем родить ребенка, именно для этого я взял вторую жену. Абдулла поручился за Джалилу, и ее тайна оставалась нераскрытой все это время. — Хабиб пристально посмотрел на мальчика, — Амир, все, что выпало на долю твоей матери по вине ИГИЛ, оправдывает ее поступок. Мы все хотим жить по шариату, но чувства и обида, желание мести часто мешают нам в этом. Я не оправдываю ее, и в глазах Аллаха она грешна, но ее можно понять чисто по-человечески.

Амир понял, что рассказ Хабиба закончен, и он не был удовлетворен услышанным. Мальчик отвел взгляд, и какое-то время смотрел в окно, а потом нарушил тишину.

— Ее поступкам нет оправдания, — спокойно и рассудительно, без эмоций сказал Амир, — ты слишком мягок к ней, отец. ИГИЛ живет по своим законам, мы не имеем возможности помогать всем семьям погибших боевиков. Но все граждане Халифата должны участвовать в его жизни. Если у человека нет средств к существованию, и при этом он не может работать на благо Халифата, то он должен отдать Халифату свою жизнь, и тем послужить ему. Женщины могут быть проданы в рабство или быть пожертвованы на органы, это лучшее, что они могут сделать для своей страны.

Холодный липкий страх прополз по моей спине. В этом ребенке нет ни капли сочувствия. Я не выдержала, и спросила:

— Амир, ты понимаешь, что если бы Джалиле не удалось сбежать из сортировочного центра, прихватив тебя с собой, то ты точно ушел бы на органы, или тебя могли бы сделать бача-бази⁵? Ее могли продать, но маленькие дети лишь обуза, и для них другого пути в сортировочном центре нет.

⁵ Бача-бази — дословный перевод с персидского языка «играть с мальчиками». Вид сексуального рабства и детской проституции, распространенного в основном в Афганистане и Пакистане. Мальчиков до 10 лет обучают эротическим танцам,

— Да, — с той же холодной рассудительностью ответил Амир. — У детских органов стоимость выше, так я послужил бы Халифату лучше.

Повисла гробовая тишина. Мы с Хабибом оторопели, и казалось, забыли, как дышать. Амир же перешел к другому своему вопросу. Он бесстрашно посмотрел на Хабиба, и твердым голосом спросил:

— Скажи, отец, что дальше будет со мной?

— Ты не имеешь отношения к грехам матери, можешь не беспокоиться по этому поводу. Ты продолжишь жить в моем доме, под моим покровительством, потому что ты уже часть моей семьи, и судьба твоей матери не повлияет на твою судьбу. Вероятно, Амир, ты станешь следующим халифом.

Мальчик удовлетворенно кивнул головой. Как бы Амир ни храбрился, было видно, что он расслабился после ответа Хабиба. Видимо он был готов к тому, что его могут казнить вместе с матерью, и такая перспектива его, конечно, страшила, хоть он всеми силами пытался это скрыть.

— Благодарю за такую высокую оценку меня. Я был бы горд стать халифом после тебя. Но я рад уже тому, что остаюсь частью семьи, для меня это много значит. — Амир отвел взгляд и выдохнул перед следующим сложным для него вопросом. — Скажи, отец, что ты думаешь делать с Хаят? Согласно Корану такие дети не имеют отношения ни к семье мужа, ни к семье прелюбодея. Хаят относится к семье моей матери, но единственный член ее семьи, это я. У нас есть еще какие-то дальние родственники по матери в Пакистане, но я никогда их не видел, и не общался с ними. Они не предпринимали попыток наладить общение, хотя о том, что мать стала твоей женой, знали оба мира. Стало быть, они не имели желания поддерживать общение и родственные связи. После смерти матери я останусь единственным родственником Хаят. Только вот в Коране не сказано, что мне делать с этим нежелательным ребенком. Может, ты подскажешь, как мне быть с этой девочкой?

— Из политических соображений мне придется, — Хабиб запнулся, не зная, как Амир отреагирует, но он сам продолжил слова моего мужа.

— Придется избавиться от Хаят? — Хабиб кивнул. — Хорошо, потому что мне она не нужна. — Амир легко коснулся ладони Хабиба и улыбнулся, — Спасибо за ответы, отец. Уже поздно, я и так отнял у вас время.

Он встал с дивана и направился к двери. Огромный комок льда и слизи, который застрял в моем горле, и перекрывал доступ воздуха к легким вдруг провалился в желудок, и мне стало так жаль Джалилу, хотелось хоть что-то для нее сделать.

— Амир, — сказала я ему вслед, — прошу тебя, попробуй понять свою маму, встань на ее место. — Он повернулся и с удивлением кинул на меня презрительный взгляд. — Амир, поговори с матерью, и ты все поймешь, должен понять, — с отчаянием добавила я.

— Мне не о чем с ней разговаривать, теперь я и так все очень хорошо понимаю. Я мужчина, и твоя мягкость мне неведома. — Амир отвернулся и сделал последний шаг к двери, взялся за ручку, и вдруг остановился. — Она обещала больше никогда меня не оставлять, — с болью сказал Амир, не оборачиваясь, — но послезавтра она умрет, навсегда оставив меня. Она обещала! Я никогда ей этого не прощу!

Мальчик резко дернул дверную ручку и вылетел в коридор. А мы с Хабибом сидели ошалевшие, не в силах пошевелиться.

— Я вырастил монстра, — тихо сказал Хабиб. — Он будет лучшим халифом. Даже лучше, чем я. Назри гордился бы мной, а я не знаю, что и думать.

Новый стадион Гази был забит до отказа, и внутрь народ уже не пускали. Люди толпились возле стадиона и ждали трансляции казни на огромных экранах, установленных на внешних стенах. Население Кабула составляло тридцать две тысячи жителей, а вместимость стадиона двадцать пять тысяч. На улицах города было пусто, все рынки были закрыты, кафе и быстро были закрыты, даже мечети были пусты.

Народ молча ждал уже несколько часов, никто не осмеливался показывать и тени недовольства. За последние двадцать лет Афганистан изменился, с точки зрения не исламского мира стал более цивилизованным, и будто бы вернулся лет на восемьдесят назад, во времена до первой гражданской войны. Афганистан был тогда совсем другим, мне рассказывал об этом учитель Амина, он преподавал ему мировую историю и политику.

Все началось тогда, война постепенно убивала цветущий и красивый Афганистан. А спустя двадцать лет талибы убили и нашу культуру. Афганистан стал ужасным, скорбным местом, где царила полная власть талибов, их законы и беззаконие. Женщины лишились каких-либо прав, даже на образование, потому что прислуге, которой теперь стал весь женский род, умение читать и писать не нужно, ведь работать нам тоже стало нельзя. Мужчины же якобы имели власть, но только в том случае, если они не пересекали интересы даже самого низшего, но талиба. Все афганцы стали их рабами.

Когда прилетела Гая, и ИГИЛ снова занял Афганистан, варварское правление талибов прекратилось. А когда Хабиб объявил Халифат законной частью мира, и некоторые страны примкнули к Халифату, а иные признали нас, необходимо было убрать и другие варварские исламские традиции.

Хабиб ввел обязательные судебные разбирательства над любыми преступниками, и судили их честно, исключая самосуд, конечно, если это не касалось деятельности ИГИЛ. Смертная казнь осталась, но осуществлялась она только через расстрел, да и вообще стала редкостью. Женщины имели право обратиться за помощью, если мужа обижали их, и чаще им помогали. Все имели право получить образование, и оно стало бесплатным, даже высшее. С медициной дела хромали, но уже не были так безнадежны, как раньше, и люди перестали умирать в своих постелях, сами не зная от чего.

А тут вдруг казнь, да еще и на стадионе Гази. На Гее не было людей, переживших талибов, войны и все зверства, которые раздирали Афганистан почти пятьдесят лет. Но все слышали страшные истории от своих родителей и дедов. Ужас охватил народ. Люди знали, что Хабиб стремится к развитию Халифата, и не допустить ската в прошлое, но то, что происходило последние два дня пугало людей.

Со своей кровати я видела, как матери пытаются успокоить уставших сидеть без дела детей, ведь Хабиб обязал привести с собой детей старше пяти лет. Люди боялись, что традиции талибов вернуться, и не дай бог коснутся их и их детей. Боялись, что эта казнь будет не разовой акцией и показательным выступлением, а станет нормой.

Я уже и сама устало ерзала в комфортном и удобном кресле, когда Хабиб сел рядом, поцеловал мне руку и сказал:

— Все, скоро все закончится. Мне доложили, что город пуст, и все собрались на стадионе и под его стенами. — Хабиб заглянул в мои глаза и нежно провел ладонью по щеке, — Хаяти, спасибо за твою поддержку, она бесценна. Я люблю тебя больше всего в этом мире.

Он коротко и крепко обнял меня, поцеловал в лоб, дал команду целой армии солдат охранять меня, и ушел на поле.

Глупая маленькая дурочка снова развесила уши. Глаза не хотели смотреть на две ямы в центре стадиона, вырытые для казни, а мешков, набитых камнями, стоящих по всему периметру поля, вообще не замечали.

Когда Хабиб вышел на поле народ оживился. К мужу подбежал парень, и дал ему микрофон. Люди поняли, что действие сейчас, наконец-то, начнется и заплодировали. Стадион наполнился ревом неискреннего свиста и хлопков. Паколи⁶ полетели в небо.

— Братья! — сказал Хабиб, но тут же поправил себя, — и сестры. Вы все смотрите телевизор, ведь я разрешил это делать, — пошутил муж, и в этой полушутке я увидела его волнение, — благодаря этому вы все в курсе того, что сегодня здесь будет происходить и по какой причине.

Позавчера русский президент Ежов обнародовал тайну моей второй жены Джалилы. Скажите мне, какую? — Хабиб направил микрофон в сторону трибун и стал медленно поворачиваться вокруг себя. Однако ответа он не получил, на стадионе повисла испуганная тишина. — Ну же, братья, и конечно сестры, не бойтесь говорить вслух. Народ Халифата — свободный народ, который вправе озвучивать свои мысли. Мы здесь для того и собрались, чтобы столицей Халифата исполнить волю Аллаха. — Хабиб снова оторвал микрофон от своего рта и направил его в сторону трибун.

— Она изменила, — сказал кто-то не громко, но в застывшей тишине это было слышно.

— Да, — подтвердил Хабиб, — громче!

— Шлюха, — выкрикнул кто-то позади Хабиба.

— Потаскуха!

— Изменница!

— Да! — радостно крикнул Хабиб, — громче, не стесняйтесь! Пусть ей будет стыдно в последний раз.

— Харам!

— Шлюха!

Шум голосов нарастал, и уже весь стадион гудел проклятиями в сторону Джалилы. И тут среди гула голосов отчетливо вырвался чей-то голос:

— Наказать шлюху!

— Да! — сказал Хабиб, — ты прав, брат! Мы здесь для этого и собрались. — Голоса потихоньку смолкли, давая Хабибу возможность высказаться. — Мы стали слишком мягки, и из человеческого сочувствия мы начали отступать от слова Аллаха. Но в Коране четко написано, какое наказание дается за прелюбодеяние, и сейчас мы все, всей столицей Халифата накажем эту распутную женщину.

— Да! — выкрикнул кто-то, — убить потаскуху!

— Терпение, друг мой, — ответил Хабиб, — сегодня мы будем казнить не ее одну. — Хабиб обернулся к солдату, и крикнул, — привести изменников!

Толпа заревела. Стадион буквально взорвался. Люди начали вскакивать со своих мест и выкрикивать оскорбления в сторону двух фигур, казавшихся маленькими с моего далекого и высокого места. Джалила и Фахир были закованы в цепи, как рабы несколько веков назад, и где только взяли эти цепи? Они были им не нужны, потому что идти самостоятельно эти двое не могли.

Фахира двое суток пытали, и он физически уже был наполовину мертв, его практически тащил на себе здоровенный боевик. Джалилу не трогали, но она была в таком ужасе от того, что ее ждет, что ноги ее подкашивались, она выла от страха, и плакала. Их лица показывали крупным планом на огромных экранах, установленных по всему периметру стадиона. Их обоих буквально тащили к ямам в центре поля.

— Пока мою дорогую жену и ее любовника подготавливают к казни, — сказал Хабиб, прохаживаясь из стороны в сторону перед ямами, — я расскажу, как она будет происходить, а

⁶ Паколь — традиционный головной убор в Южной Азии, наиболее распространен в центральном, юго-восточном и северо-восточном Афганистане, северо-западном и западном Пакистане.

то мы так давно ее не использовали, что вы верно и забыли, как это происходит. Эти две ямы за моей спиной вырыли специально для этих преступников. Их поставят каждого в свою яму и засыпят землей по пояс, чтобы они не смогли выбраться. А затем вы все сюда спуститесь, все по очереди выйдете на поле, и каждый человек в этом городе бросит в них по одному камню. Таким образом мы заберем их насмерть. Ну как вам? Вспомнили?

Стадион снова заревел, и мне показалось, что я проваливаюсь сквозь кресло. Это были уже не те робкие свисты и аплодисменты, когда Хабиб только вышел на поле. Сейчас всё, что кричали люди, было пропитано ненавистью и жадой крови. Аллах, подумала я, неужели мы действительно только животные, которые возбуждаются от мысли, что сейчас заберут до смерти двух человек? Неужели мы настолько примитивны и жестоки?

У меня закружилась голова, и я вцепилась в подлокотники кресла. Тут же из ниоткуда перед моим лицом появился стакан с водой в солдатской руке, и я на автомате, не понимая, что я делаю, взяла стакан и начала пить.

— С вами все хорошо, госпожа? — участливо спросил солдат, подавший мне воду.

— Почему они так ненавидят их? Ведь люди даже не знают Джалилу с Фахиром. Откуда столько ненависти? — спросила я у солдата, вместо ответа на его вопрос.

— Потому что они согрешили, — уверенно ответил парень.

— А есть ли в мире те, кто никогда не грешили?

Парень растерялся, он видимо не был готов к таким вопросам, еще и от меня. Все солдаты боялись меня до смерти, потому что однажды Хабиб в шутку сказал, что отрежет мужское хозяйство тому, кто посмеет засматриваться на меня, а потом сдерет кожу живьем, и пока тот еще жив, сожжет его заживо.

— Я не знаю, госпожа, Аллаху виднее. — Парень было отошел от меня, но я продолжила разговор, и он видимо уже пожалел, что вообще обратился ко мне.

— Скажи, ты женат?

— Нет, госпожа.

— А бывал ли ты с женщиной? — парень покраснел и не отвечал. — Говори, я приказываю.

— Да, госпожа, бывал.

— Это харам, и наказание за него такое же, как и для них, — я ткнула пальцем в центр стадиона. Так может быть и тебе туда спуститься? Твои товарищи быстренько выроют еще одну яму.

Солдат молчал и с ужасом смотрел на меня, его подбородок дрожал, а глаза начали блестеть, наполняясь слезами страха.

— Никто не заслуживает такой смерти, так что в следующий раз, думай, что говоришь.

— Да, госпожа. Я принесу еще воды? — пролепетал бледный как мел парень, я кивнула головой, и солдат очень быстро скрылся. С водой ко мне уже никто не вернулся.

И чего я сорвалась на этого бедного парня? Он ведь тоже не виноват ни в чем. Он не виноват в том, что у меня нет детей, в том, что Джалила подвернулась мне под руку, в том, что политика так жестока, как не жесток ни один человек. Ни в чем он не виноват. И в том, что я два дня не видела дочь, он тоже не виноват. Как и в том, что сегодня последний день ее крошечной жизни.

Подступили слезы и тошнота, я закрыла глаза рукой и наклонилась вперед. От рева головов разболелась голова, скорее бы это все закончилось. Но вот рев стих, и я слышала только испуганный вой Джалилы. Я даже слышала, как стучат ее зубы, а может, мне это казалось. Я не поднимала глаз, казалось, что я не выдержу этого зрелища и умру сама. Мы с Хабибом договорились, что я приду на стадион вместе с ним, но спускаться на поле не буду.

— Ну что же, братья и сестры, — услышала я голос мужа, и стадион как по мановению волшебной палочки смолк, — почти все подготовлено. Наши преступники готовы, — навер-

ное, их уже закопали по пояс в землю, подумала я, не отрывая ладони от глаз. — Сейчас принесут первые мешки с камнями. Но пока нам нужно исполнить судьбу еще одного человека. Принесите ее.

Сердце сжалось, и казалось, меня сейчас вырвет, несмотря на то, что я не ела больше суток. Сквозь звенящую тишину стадиона я услышала смех Хаят. Неведомая сила подняла меня с кресла, и я рванула к смотровому стеклу.

— Доченька, — вырвалось из меня.

Я прилипла к стеклу всем телом и впилась в него ладонями. Хаят нес один солдат, который часто бывал на службе в нашем доме, и конечно время от времени Хаят дергала его за бороду, но тому только нравилось возиться с ней. Сейчас Хаят тоже дергала бойца за бороду, а он щекотал ее. Смех Хаят заполнил тишину стадиона, с каждым шагом солдата во мне становилось меньше кислорода и сил. Меньше самой жизни.

— Нет, Хабиб, прошу тебя! — кричала Джалила сквозь рыдания, — оставь ей жизнь, она ни в чем не виновата! Умоляю тебя.

Фахир молчал, он лежал на земле и видимо был без чувств, если вообще еще был жив. Крики Джалилы дорывали лоскуты моего сердца, но мне хотелось последний раз посмотреть на Хаят, ее смех, что может быть лучше? Я хотела запомнить ее такой.

Солдат подошел к Хабибу и передал ему девочку. От криков Джалилы Хаят испугалась и перестала смеяться. Она начала тянуть ручки к Хабибу, и как только он принял ее из рук солдата, Хаят сразу спрятала головку на шее Хабиба, как бы прячась от мира за его густой бородой. Секунду Хабиб стоял не шевелясь, но потом все же оторвал Хаят от своей шеи и повернул ее лицом к зрителям. Моя дочь не плакала, но растерянно озиралась по сторонам.

— Хаят! — кричала я и била ладонями по стеклу, пытаюсь привлечь ее внимание, зная, что она меня не слышит и не видит, слишком далеко я нахожусь.

Растерянное личико Хаят появилось на экранах и мои ноги стали ватными, подкосились, лишенные сил, и я тихо сползла по стеклу на пол.

— Эта девочка могла бы быть принцессой Халифата, — сказал Хабиб, — но оказалась дочерью этих двоих изменников. Коран не предполагает наказания, и уж тем более смертной казни для ребенка, ведь она не виновата в грехах своих родителей. Но ее судьбу решил русский президент, — камера плавно сместилась с Хаят на Хабиба, и теперь они оба были в кадре крупным планом. — Ян Яковлевич Ежов, я сейчас обращаюсь к вам. Два дня назад вы хвалились тем, что ваш разведчик, — Хабиб небрежно ткнул пальцем в Фахира, и в его руке блеснул небольшой острый кинжал, — зародил русское семя в сердце Халифата — в моем доме. А чужое семя, это сорняки, которые нужно вырывать с корнем.

Хабиб быстро поднес кинжал к горлу Хаят и ловко провел по нему черту от уха до уха. Глаза Хаят округлились, а из раны фонтаном брызнула кровь. Леденящий нутро крик Джалилы был последним, что я запомнила перед тем, как во мне выключился слух.

Мир вдруг затих, в нем не осталось никаких звуков, ни моего собственного крика из перекошенного болью рта, ни криков толпы, ни голосов солдат, которые столпились вокруг меня, поднимали и усаживали назад в кресло. Ничего страшнее этого внезапно затихшего мира со мной еще не происходило.

Звук включился так же неожиданно, как и выключился, это случилось после того, как Хабиб прошел по кругу вокруг зарытых в землю преступников. Он поднял над головой окровавленное тельце дочери, как флаг побежденного врага, и потрясал им, показывая всем, хвалясь. Сделав круг, он небрежно бросил безжизненное тело Хаят Джалиле. Трясущимися руками она загребла к себе дочь, прижимала ее к себе, не переставая кричать. Ее округлившиеся глаза казалось вот-вот вывалятся из глазниц. Теперь крупным кадром была Джалила.

— Братья и сестры! — выкрикнул Хабиб, — вы готовы свершить правосудие?

— Да! — взревел стадион.

— Кто хочет бросить в них первый камень?

— Это сделаю я, — сказал вышедший на поле Амир.

Хабиба уже захлестывал адреналин, и по его лицу больше не пробежала шокирующая тень от слов этого мальчика.

— Это сын Джалилы! — сказал Хабиб, — он признает грехи собственной матери, и не просит для нее пощады. Прошу любить и жаловать — Амир, вероятно будущий халиф.

Амир скромно поклонился, подошел к черте, которую предварительно нарисовали на траве. За эту черту заходить было нельзя, чтобы народ в пылу не разорвал преступников на части, это слишком простая и быстрая для них смерть. Они будут умирать долго и мучительно. К линии поднесли огромное количество мешков с камнями, их продолжали подносить, и продолжат делать это еще нескончаемо долго. Забить человека камнями насмерть не такое уж простое дело, и совсем не быстрое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.